

СТРАНА ВЫБИРАЕТ

СТРАНА ВЫБИРАЕТ

РЕПЕРТУАРНЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ КРУЖКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

1939

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советский Союз— страна социализма—уверенно идет от победы к победе. Первоклассная по своему техническому вооружению индустрия, сельское хозяйство, коллективизированное и оснащенное сотнями тысяч тракторов, комбайнов и прочих сельскохозяйственных машин, небывалый расцвет науки, культуры и искусств— таковы итоги исторических побед социализма, достигнутых под руководством партии Ленина - Сталина.

Вместе с ростом экономики растет и культура народов Советского Союза—национальная по форме, социалистическая по содержанию. Именно, на основе наших побед и достижений, создана нигде и никогда невиданная обстановка, способствующая росту подлинных талантов во всех областях искусства. Недаром сейчас народное творчество, во всех его формах и проявлениях, находится в периоде колоссального подъема и исключительного по своим масштабам размаха. В кружках художественной самодеятельности— драматических, оперных, музыкальных, хоровых, художественных, литературных и многих других—растут новые кадры артистов, певцов, музыкантов, художников, писателей, создающих изумительные образцы народного творчества. В стране победившего социализма созданы благоприятнейшие условия для дальнейшего роста и овладения вершинами культуры и искусства. Сейчас не найдешь ни одного города, ни одного поселка, ни одного колхозного села, в которых, в той или иной форме, не была бы развита художественная самодеятельность трудящихся.

Как и во всем Советском Союзе, растут и крепнут кружки художественной самодеятельности в нашей Свердловской области. Спектакли, концерты, вечера самодеятельности, картины, литературные произведения, художественные изделия— таковы результаты их работы. Во время выборов Верховного Совета СССР, в революционные праздники и во всех случаях, когда это требовалось, кружки художественной самодеятельности играли исключительно большую роль в культурном обслуживании трудящихся.

Сейчас на художественную самодеятельность возлагается ответственной задачей— обеспечить высококачественное куль-

турное обслуживание трудящихся во время подготовки и проведения выборов в местные советы, подобрать идеологически выдержанный, актуальный репертуар. В клубах, избах-читальнях, красных уголках — всюду, где только представится возможность, кружки художественной самодеятельности должны организовать постановку одноактных пьес и отдельных сцен, небольших по размеру концертов, вечеров самодеятельности, громких чтот и т. п.

В помощь кружкам художественной самодеятельности, учитывая большую потребность в репертуаре, Свердловский областной дом народного творчества и издает настоящий сборник. Сборник построен по определенному тематическому принципу и содержит в себе материалы о руководящей роли партии Ленина — Сталина в строительстве социализма; о Красной армии и защите советских границ; о сегодняшней радостной жизни трудящихся Советского Союза; о колхозном труде; о лучших людях страны, избираемых в советы. Пользуясь этими материалами, кружки художественной самодеятельности смогут поставить спектакли, организовать художественные вечера и концерты. Во всей этой работе руководители кружков должны проявить широкую инициативу и привлечь возможно большее количество исполнителей для организации культурного обслуживания трудящихся, что является задачей важнейшего политического значения.

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Стихи А. Суркова

Муз. М. Блантера

Торжественно, не торопясь

Пение

1. На просто-рах Ро-ди-ны чу -

Ф. п.

-дес мой, за-на-ля-ясь в битвах и тру - де,

мы сло-жи-ли ра-дос-ту-ю пес - ню о ве-ли-ком дру-ге и во-

мда. Ста-ли-на-ша сла-ва бо-е - ва - я.

сгесе

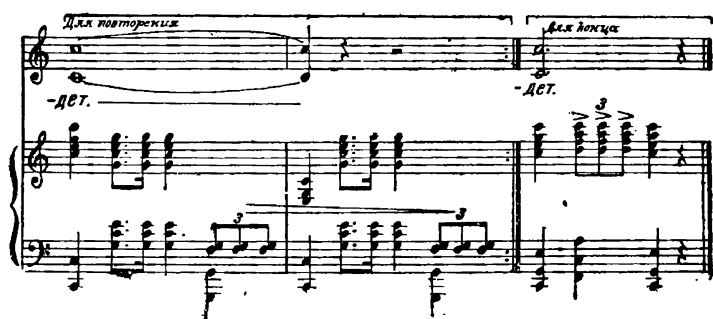
Ста-ли-на-ши ю-но-сти во-ле-т. Спес-ня-им, во-рясь и по-ве-

мда - я, наш на-род за Ста-ли-ным и - дет.

Хор (по желанию)

Спес-ня-им, во-рясь и по-ве-мда - я, наш на-род за Ста-ли-ным и -

ff

1. На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая, }
Наш народ за Сталиным идет. } 2 раза

2. Солнечным и самым светлым краем
Стала вся советская земля,
Сталинским обильным урожаем
Ширятся колхозные поля.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая, }
Наш народ за Сталиным идет. } 2 раза

3. Краше зорь весеннего рассвета
Юности счастливая пора.
Сталинской улыбкою согрета —
Радуется наша детвора.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая, }
Наш народ за Сталиным идет. } 2 раза

4. Нам даны сверкающие крылья,
Смелость нам великая дана.
Песнями любви и изобилья
Славится Советская страна.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая, }
Наш народ за Сталиным идет. } *2 раза*

М. Исаковский

СЧАСТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ

Никогда так огни не сверкали,	Выбирай и иди по любой.
Никогда так сады не цвели.	Все сбылось, о чем тосковали,
Мы счастливую землю искали,	Что в мечтах затаенных несли...
Мы счастливую землю нашли.	Мы счастливую землю искали,
Не напрасно глухими ночами	Мы счастливую землю нашли.
Ожидали мы солнца восход,	Ни конца не видать ей, ни
Не напрасно с ружьем за	края,
плечами	Нет любимей ее и родней.
Отправлялись в далекий поход.	И советскую власть выбирая,
Собирали нас Ленин и Сталин,	Петь и думать мы будем о
На врага за собою вели...	ней.
Мы счастливую землю искали,	Эту песню, как полную чашу,
Мы счастливую землю нашли.	Мы поднимем в советском
По равнинам, по древним	краю —
курганам	За великую партию нашу,
Величаяя песня встает;	За счастливую долю свою.
Наше поле шумит океаном,	В славном радостном имени
Наша радость стоит у ворот.	СТАЛИН
Самолеты плывут над полями,	Мы и силу и волю слили.
Корабли разрезают прибой.	Мы счастливую землю искали.
Все дороги лежат перед нами,—	Мы счастливую землю нашли.

Николай Асеев

ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Надевайте праздничное платье,	Паутину липнущих морщин.
Лучшее у женщин и мужчин.	Пусть не хлещет время лица
Чтоб ни тени на лице —	платьем,
разгладьте	

Пусть на лбах не оставляет	Право на раздумье и улыбку,
след:	Право на правдивые слова,
Нынче наше совершеннолетие!	Право видеть звезды, слушать
Всем сегодня — восемнадцать	скрипку,
лет!	Нелюбимого — не целовать!

Раздавайтесь, улицы, пошире!
Шибче, сердце! Выше, голова!
Первыми идем мы нынче в
Закреплять великие права.

Поднимайте малых над
балконом,
Пусть им будет сызмала видна,
Движимая Сталинским законом,
Сильная, веселая страна.

Право на работу и на отдых, Право обучать своих ребят, Право на полях и на заводах Человеком чувствовать себя.	Та, в которой их отцы и деды Пережили пламенные дни, Блеск которой, славу и Победы Пронесут в грядущее они!
---	---

Бор. Левин

МАМУ ВЫБИРАЮТ

Наша мама — стахановка. Это значит — она работает на отлично и еще больше. Она бригадир. Про маму даже в газетах пишут и портрет ее помещают. Мы с Колькой ножницами вырезали. Колька — мой брат. Он еще маленький, а я уже в первом классе... Мама на портрете вышла очень красивой, глазастой и очень важной. А она совсем не важная. Мы ее не боимся. Она нас всегда прощает. Что бы мы ни делали. Немножко накричит, накричит, а потом прощает. Мы уже знаем. Нам больше достается, когда она на нас не кричит, а только посмотрит и молчит. Тогда очень нехорошо. Но такой она бывает, когда мы уж очень что-нибудь сделаем. Вот в прошлый выходной я нечаянно залезла к папе в карман, достала папиросы. Мы с Колькой закурили. Мама увидела папиросы, отобрала и ничего не сказала. Мы заплакали, но немножко. А она на нас не смотрит. Мы реветь и просить:

— Мапочка, милая, на кричи на нас, мы больше не будем.

А так нас мама любит, и мы ее очень. А папы мы совсем не боимся. Он с нами сам играет, и на нем можно верхом ездить. Папка очень смешной, и, когда он бредется, мы всегда возле, хоть он нас и гонит, как кур: „кыш!“ Папка сильный. Он может Кольку на одной руке поднять к потолку, и меня может, но я боюсь. Не потому, что я трусиха, но мне очень холодно делается в спине, когда он меня подкидывает. Пусть Кольку подкидывает, меня нельзя.

Вот раз папа нам все рассказал. И мы как узнали, что маму выбирают в депутаты, сразу присмирели. Страшно за мамку.

Она хоть и смелая, но тоже может сробеть. А ей робеть нельзя будет.

Мы с Колькой перестали шалить. Нас узнать нельзя. Мама пришла с работы и сказала:

— Детей прямо узнать нельзя. Что с ними случилось?

Мы молчим, только смотрим на мамку. А она спрашивает:

— Что вас, котят, совсем не слышно?

„Котят“ — это она по-нарочному.

А другие ребята с нашего двора нас теперь не щипают и дарят нам пуговицы. Это все потому, что маму выбирают. А один мальчик, самый хулиган, рыженький, подарил Кольке синенькое стеклышко. На что ни посмотришь, все делается синеньким. А раньше этот мальчик Кольку бил и меня тоже, но я ему давала сдачи, так что он даже сколько раз ревел и бегал жаловаться. Мама нас взяла с собой в клуб. Папа сидел с нами, а мама за столом с другими дядьками. Когда мама говорила, я чуть не заплакала — все боялась: вот-вот она сробеет, и у нее нехватит слов. Но ей все хлопали. Колька и я тоже хлопали. Папа у нас тоже хороший, но спать любит, а книжки читать не любит. Мама его за это ругает. Не надо его особенно ругать. Ну, пусть спит, если ему так хочется, зато он лучше всех на коньках бегает. И меня научил. Но я не люблю быстро, я тихонько, и чтоб мальчишки не толкались. Мама тоже умеет на коньках, но больше всего она любит на лыжах. Мне через год и еще через год купят лыжи. А Кольке не надо лыжи, у него есть саночки. Саночки лучше всего: и чем коньки и чем лыжи. На них можно лежать.

Когда маму выберут, мы ей с Колькой обязательно что-нибудь купим. У меня есть двадцать семь копеек и у Кольки пятнадцать копеек. Мы ей обязательно что-нибудь купим. Мама об этом не знает, а папе мы об этом рассказали, он даст нам рубль. У нас будет рубль двадцать семь копеек и копейки пятнадцать. Что бы ей такое купить? Вот никак не придумаем. Я за то, чтоб ей купить лягушку-прыгалку. А Колька — за поросенка-музыканта. Но это потому, что он сам хочет играть с поросенком-музыкантом.

А папа говорит:

— Я вам советовать не буду: сами придумайте.

Что бы ей такое купить? А что, если купить ей зайчика. Нет, я знаю, что. Я куплю ей живого котенка или китайский веер. Но что-нибудь обязательно купим... Теперь, когда мама дома отдыхает, мы ведем себя очень хорошо. Говорим шопотом, не стучим. Раз маму выбирают, нельзя ее обижать. Ее надо беречь.

И я очень рада за маму.

Только что бы ей купить? Может, вырезать ей тюленя из книжки?

СТРАНА ВЫБИРАЕТ

Стихи Евг. Долматовского

Климентий Корчмарев

Marziale

хор.

Стра-на Со-ве - гов ро-ди-на сес-бо - ды Наш край гре-

ф-п.

-кра-сем, и про-сто-рем, и бо-гат Я вы-би-ра - ю власть все-го на-

ро - да, то-ва-рищ Ста-лин мой пер-вый нап-ди-дат.

Грипес

Эй, за-пе-вай, счаст - ли - вый, ю-ный край, ве-

1. Страна Советов — родина свободы.
Наш край прекрасен, и просторен, и богат.
Я выбираю власть всего народа,
Товарищ Сталин — мой первый кандидат.

Припев: Эй, запевай,
Счастливым, юный край,
Веселую песню о радости побед.
Дружбой сильна,
Ты выберешь, страна,
Боевых своих товарищей в Совет.

2. Я голосую за партию родную:
Она ведет меня в великие бои.
Я за вождей народных голосую —
За самых близких товарищей своих.

Припев.

3. Страна Советов — родина героев,
Она цветет под солнцем ленинских идей.
Мы каждый день выходим с песней строить,
Здесь труд впервые стал счастьем для людей.

Припев.

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

Я искал единственного друга	Никому вовеки не угнаться...
В свисте пуль и в гуле	Кто тебя могучей и сильней,
батарей —	Родина освобожденных наций,
Шли со мной сквозь ветер и	Родина единственных друзей!
сквозь вьюгу	
Миллион единственных друзей!	Мы идем колонною несметной,
	Нашей славы песня широка!
Расцветают песни и знамена	Наша Конституция —
На счастливой родине моей —	бессмертна!
Это выбирают миллионы	Сталинское слово — на века.
Лучших из единственных друзей!	

Ярослав Гашек

МЕРТВЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬ

Кладбищенское бюро в последнее время было занято следующим событием. За четырнадцать дней до начала коммунальных выборов в канцелярию кладбищенского бюро пришла мадам Демус, вдова торговца колониальными товарами Эдуарда Демус, и пожаловалась на порядки, существующие на кладбище: могилу своего мужа она нашла запавшей, с большой щелью и заросшей травой.

Кладбищенские сторожа, действительно, обнаружили на могиле Демуса большую трещину, происхождение которой они не могли никак объяснить.

После посещения кладбища мадам Демус вернулась домой весьма расстроенная. И чем больше она вспоминала о своем супруге, тем больше открывала в нем хороших черт: порядочность, благородство, прямоту. Вот человек, который не терпел небрежности. Что бы он сказал, если бы увидел, в каком состоянии находится его могила!

Какой порядок был у него в магазине! И когда однажды, по ошибке, он налил вместо водки одному алкоголику уксусной кислоты, потому что бутылка оказалась не на своем месте, он отправился в комнату за магазином и остаток уксусной кислоты выпил сам до самого дна, оставив следующую записку: „Я не выношу не порядка и потому, как честный человек, предпочитаю добровольную смерть“. Письмо было написано энергичным почерком.

Это случилось пятнадцать лет тому назад, и с тех пор Демус покоится на кладбище в шестом квартале.

Мадам Демус подробно рассказала своей соседке о том, в каком состоянии она нашла могилу своего мужа.

Соседка задумалась и затем сказала:

— Не пугайтесь, сударыня, это только так говорят, такое поверье ходит, что если могила трескается, то мертвый хочет выйти на свет. Я тоже читала одну балладу о мертвом портном. И вот, говорят, в Германии один раз раскопали такую могилу, где-то в Саксонии, и не нашли погребенного в ней музыканта. Тогда вдова, его жена, поместила в газетах объявление, чтобы он не делал глупостей и вернулся обратно, на что мертвый ей ответил, что будет ее ждать возле главной почты. Она пошла туда с сыщиками. Его арестовали, но оказалось, что это был вовсе не ее муж. Вы понимаете, голубушка, что на свете творятся такие вещи, каких не придумаете. Но вы не пугайтесь, это только поверье.

После этого мадам Демус вспомнила, как когда-то давно она была однажды со своим умершим мужем в кабаре и как там один артист читал пародию на „Свадебную рубашку“. (*Примеч.* „Свадебная рубашка“ — популярная в Чехословакии повесть писателя К. Я. Эрбена (1811—1870), написанная в стиле „Романа ужасов“.)

От этого воспоминания у нее по спине прошел мороз, и она отправилась к соседке просить ее, чтобы она отпустила ночевать к ней свою дочь Карлу.

Соседка одолжила свою дочь так же спокойно, как она одолжала керосин и прочие вещи. Карла пошла на ночлег ни жива, ни мертва от страха, так как перед этим брат сказал ей в шутку:

— Не забудьте приготовить чай с ромом, а то нечем будет угощать покойного Демуса. Он простынет с дороги.

Когда Карла пришла к Демус, то со страхом спросила ее, есть ли у нее ром. Та ответила, что есть. Всю ночь они провели без сна и ожидали всяких событий. Однако ничего особенного не случилось. Только с вечера лопнула лампа, да два или три раза затрещал шкаф. В полночь завел свою песню сверчок. На улице выла собака, и какой-то пьяница распевал: „Моя красавица Барушка...“

Они уснули только после рассвета и проснулись в полдень от стука в дверь.

Они наскоро оделись и открыли дверь. В квартиру вошли два господина и спросили господина Демус. Мадам Демус перекрестилась и стала объяснять, что ее муж умер пятнадцать лет тому назад.

— Это не важно, — сказал один из них. — Вы хорошо знаете, сударыня, что если бы он был жив, то выполнил бы свой долг. Он был искренним сторонником младочешской партии и, безусловно, он и теперь работал бы вместе с нами и подал бы за нас свой голос. От третьего района он получит избирательную карточку, за которой мы зайдем попозже. Он, безусловно, будет голосовать вместе с нами. Вы приготовьте нам доверенность

за него. Надеемся, вы не откажетесь сделать нам эту услугу. Ваш муж незадолго до своей смерти сам говорил: „Господа, если вам нужно будет что-либо, обращайтесь ко мне, и я для вас сделаю все, где бы и в каком бы положении я ни находился. На меня вы можете положиться, а в случае моей смерти, обращайтесь к моей жене...“

Они поцеловали ей руку и ушли. И в этот же день после обеда разносчик принес ей избирательную карточку для господина Демус.

— Пресвятая богородица! — воскликнула мадам Демус. — Здесь что-нибудь не так.

Она немедленно отправилась на кладбище и с ужасом обнаружила, что трещина на могиле стала еще больше.

К следующей ночи она выпросила у соседки Карлу и ее младшего брата Богуслава, которые должны были у нее остаться ночевать.

Однако Богуслава они должны были прогнать, так как он всю ночь подходил к дверям, стучал и говорил: „Пожалуйста, проходите дальше, господин Демус“. Затем он спрятался под кровать и издавал оттуда замогильные звуки. Мадам Демус всю ночь казалось, что кто-то ходит по лестнице, а Карла ее уверяла, что вот сейчас кто-то взялся за ручку и пытался открыть дверь.

Утром пришли те два господина, восторженно говорили о младочешской партии, забрали избирательную карточку и уверяли, что теперь они имеют полномочия на голосование от господина Демус.

Они долго молили какую-то чушь, говорили о том, что, собственно, голосует сам господин Демус. Всю их речь сопровождали причитания мадам Демус:

— Пресвятая богородица, да ведь он пятнадцать лет тому назад умер. Мне страшно.

— Сударыня, — победоносно сказал один из них, пряча в портфель избирательную карточку господина Демус. — Сударыня, ничего не бойтесь, ваш супруг способствует победе тех, с которыми он всегда находился в хороших отношениях.

Они оставили мадам Демус взволнованной, и ее волнение увеличилось после того, как она после обеда вновь побывала на кладбище и убедилась, что расселина на могиле снова увеличилась.

„Это он пробивается наружу“, — мелькнуло у нее в голове, и она, расстроенная, направилась домой.

Придя домой, она попросила дворничиху отпустить к ней дворника переночевать. Дворник до двух часов бегал за пивом, пил без конца и к трем часам начал рассказывать такие ужасные истории о мертвецах, что у Карлы и у мадам Демус становились волосы дыбом.

Так прошла целая неделя. У дворника стал определенно

краснеть нос, и весь дом по ночам отправлялся пугать мадам Демус. Всегда находился добрый человек, который самоотверженно вставал с теплой постели, шел в одном нижнем белье к дверям ее квартиры и брался за ручку. Затем произошли выборы, и в газетах напечатали, что в районе Либня (*примеч.: Либень — район в Праге*) был задержан человек, который пытался голосовать за Эдуарда Демус, торговца, умершего пятнадцать лет тому назад. К сожалению, личность этого человека установить не удалось, так как он скрылся. Когда мадам Демус все это прочла, она стала лихорадочно креститься и плакать. С тех пор посещавшие шестой квартал либенского кладбища могли наблюдать печальную сцену. Каждый день после обеда у могилы Эдуарда Демус стояла на коленях одетая в черное женщина и плакала:

— Эдуард, раз ты уже пришел на коммунальные выборы и голосовал за господина Филиппа, тебе следовало зайти и к нам. Нехорошо это с твоей стороны, Эдуард!

Сергей Михалков

НАША МАМА

В доме номер сто четыре,
Где кончается Арбат,
Мы живем в одной квартире —
Папа, мама, я и брат.

Мама лестницу берет!
С ней на черный ход идет,
Пол-минутки не прошло,—
Стало в комнате светло.

Папа Коля, мама Тоня,
Брат Володя, Вовка—я.
Чет нигде во всем районе
Лучше мамы, чем моя.

Мы по улице шатались,
Мы по лестницам катались,
Дворник прямо сбился с ног,
Но помочь никто не мог.

Как-то вечером зимой
Наша мама шла домой,
Видит, вдруг у самых ног
Чей-то маленький щенок.

Мама в домоуправленье
Написала заявленье,
Наше домоуправленье
Отыскало помещенье.

Наша мама захватила
Незнакомаго щенка,
Напоила, накормила,
Дать велела молока.

Вообще про нашу маму
Все соседи говорят,
Что иметь такую маму
Каждый мальчишка был бы рад.

Мы сидели как-то в кухне,
Вдруг везде огни потухли,
Брат вошел и говорит:
Свет повсюду не горит.

Мы, ребята, скажем прямо:
Лучше нашей мамы нет,
Очень просим нашу маму,
Тоже выбрать в наш Совет.

ВЫБОРЫ СТРАЖНИКА

Мы все с нетерпением ожидали этого заседания, так как на нем должен был решиться вопрос, кому быть сельским стражником.

Из всей массы просителей выбрали трех кандидатов, которые жили в нашем селе. Каждый из кандидатов выставил бочку пива. Сначала бочку выставил кандидат Качирек, и когда мы об этом узнали, то сейчас же решили, что обязательно выберем его стражником. Но такое же угощение выставил и Коренарж, а зачим и церковный сторож Подлох. У нас головы пошли кругом, и мы не знали, что делать. Каждый из кандидатов купил одинаковое количество пива и обошел всех членов сельского правления, и мы обещали каждому выбрать его стражником. Затем сторож Подлох зарезал для нас свинью. Одновременно с ним зарезали по свинье и другие два кандидата — Качирек и Коренарж.

Все трое старались нам угодить, но, к сожалению, у нас было место только для одного.

Мы не знали, как поступить. Ни один из трех кандидатов не имел никаких преимуществ. Поэтому нужно было ожидать, что заседание сельского правления по этому вопросу будет особенно бурным.

Целый день мы, члены сельского правления, постились, чтобы с большим аппетитом приступить к уничтожению свиней, тем более, что от жареного шел приятный запах по всему селу. Староста находился в весьма затруднительном положении. Он ходил от одного члена сельского правления к другому и говорил:

— Честное слово, дальше так продолжаться не может. Я сойду с ума. Если бы один из трех кандидатов был негодяем, тогда бы мы его просто исключили из списка, и у нас осталось бы только двое, одному из которых можно было бы легко доказать, что он ни к чорту не годится. Ну, а так как они все трое одинаковые негодяи, то наше положение скверное. Мы ни в чем их не можем упрекнуть: они устроили для нас угощение и поставили пиво. Но все равно, они — подлецы, и подкупить нас им не удастся.

Среди нас находился один человек, по имени Махличек. Он почему-то относился с неприязнью к нашему старосте Балеку. Везде, где только было можно, он старался причинить ему неприятность. Один раз, например, он донес на старосту, будто тот ворует его снопы с поля. Еще немного, и дело дошло бы до суда. Только после того, как староста скостил Махличку какой-то долг по пивной, дело кончилось мировой. Староста должен был еще обещать ему перед свидетелями, что будет целую неделю даром пить его пивом. Конечно, Махличек не

зевал и пил во-всю, и с тех пор между ними и нашим старостой началась непримиримая вражда. Он открыто угрожал, что на заседании сельского совета поставит старосту в неловкое положение.

Наконец, мы сошлись в зале заседаний, то есть, как уже было сказано, в пивной старосты.

Кроме нас, там сидело несколько наших соседей, которым было сказано, что и они могут участвовать в пиршестве, но на кухне, так как в пивной будут происходить выборы сельского стражника.

Сначала подали суп из свинины, затем кровяную колбасу и ливерную с капустой и картошкой (картошку и капусту добавил староста). После этого подали заливное из трех свиных голов, потом колбасу с салом и, наконец, жаркое из свинины с кнедличками (кнедлики добавил староста). (Кнедлики — шарики из теста, употребляемые как гарнир к жаркому.) Наконец, распив первый боченок пива, мы приступили к дебатам. Первым взял слово староста, заявивший, что он сожалеет, что все три кандидата стоят один другого, что все они одинаковые бездельники и шарлатаны, выразившие желание охранять общественный порядок, но что сельское правление может выбрать из трех только одного. Имена их: Коренарж, Качирек и Подлох, и он просит, чтобы они, по крайней мере, встали, когда о них говорят.

После него взял слово Махличек. В своей речи он весьма удивлялся, почему староста не начал с другого конца. Он не сказал, что сельский стражник в первую очередь должен знать, что такое справедливость и право, и не должен позволять оскорблять себя ни при каких обстоятельствах. Вот какой должен быть настоящий стражник.

Затем, обращаясь ко всем трем кандидатам, он демагогически воскликнул:

— Ребята, вы должны знать, что нелегко получить то место которое вы просите. Вы должны быть решительны и способны на все. Если даже сам староста оскорбит вас на вашем будущем посту, вы должны показать, что вы не боитесь ничего, потому что вы будете связаны присягой. Вот сейчас он о вас говорил, что вы негодяи. Докажите же, что вы достойны занять эту должность. Качирек, дай старосте по морде.

Все молча смотрели на Качирека, который сидел, не двигаясь, и глупо улыбался.

Тогда Махличек снова воскликнул:

— Подлох, дай старосте по морде.

Опять тишина. Подлох сидел возле Качирека и улыбался еще глупее.

Тогда Махличек воскликнул:

— Коренарж! Не бойся, дай старосте по морде!

Коренарж подошел к старосте, недоумевающе смотревшему на все происходящее. Раздалась оплеуха, и староста упал со стула.

Под гром аплодисментов Махличек сказал:

— Соседи! Вот это настоящий человек, его мы должны выбрать сельским стражником. Кто за него?

Все двенадцать членов подняли руки в знак согласия.

— Коренарж, и так, ты выбран сельским стражником!— воскликнул староста.— А теперь я приказываю тебе, как твой начальник, чтобы ты дал Махличку два раза по зубам.

— Слушаю, господин староста!— ответил Коренарж и закатил две таких оплеухи Махличку, что его пришлось потом отливать водой.

Так Коренарж сделался нашим сельским стражником.

Сергей Михалков

Я ВЫБИРАЮ В СОВЕТ

Я — гражданин восемнадцати лет, Я выбираю сегодня совет. Выбрать, по праву, доверено мне Лучшее имя в Советской стране.	Если за подвиг, за доблесть в бою Орденом грудь украшают твою, Знай, что в пожатиях тысячи рук Лучший товарищ — твой вождь и твой друг!
Кто он, которого выберу я! Пусть мне подскажет совесть моя!	Если ты песню о счастье поешь, Если прямою дорогой идешь, Знай: ты идешь не один, а вдвоем —
Где бы мы свой самолет ни вели, Где бы ни плыли и где бы ни шли, Где бы ни строили мы города, — Лучшее имя с нами всегда!	Лучшее имя в сердце твоём! Многие в славе у нас имена, Многих достойных взрастила страна.
Если ты ранен в жестоком бою, Если гибели ты на краю, Рану зажди, слезы утри, Лучшее имя вслух повтори.	Песни слагают о них и поют, Дети на улице их узнают, Названы именем их города, Горные пики, морские суда.
Воздухом синим, течением рек Помощь пришлет тебе тот человек!	Преданных партии выберу я, Партия Сталина — совесть моя!

Николай Берендгоф

ПЕСНЯ О КОНСТИТУЦИИ

От звезды рубиновой
Алый свет идет.
Ветер над равнинами
Песенку несет:

„Не туманы стелются,
Не метель метет,—
На просторах яблоня
Светлая цветет.

Не в глухую полночь,
А в сиянии дня
Расцвела ты, яблоня,
Родина моя!“

Слышишь — на проталинах
Гулко тает лед,
О законе Сталинском
Вся страна поет:

„В ясный полдень родины
Выбирай в Совет!
Долгий путь наш пройденный—
Памятник побед!“

Хлопья реют блестками,
Серебря гранит.
Звездами кремлевскими
Наш закон горит!

Н. Саконская

НАШИМ ИЗБРАННИКАМ

Тракторист, пограничник и штурман, Мастер угля и мастер смычка— Все пойдут к избирательным урнам С драгоценным конвертом в руках.	Новым школам расти, Самолетам летать в вышине. Так живет легко, Так поется легко Только в нашей счастливой стране.
---	---

Мы недаром в горячем бою Отстояли отчизну свою: Чтобы всходам цвести И заводам расти, Самолетам летать в облака, Чтобы пела страна, Богатела страна И была непреступно крепка.	Тракторист, пограничник и штурман, Мастер угля и мастер смычка— Все пойдут к избирательным урнам С драгоценным конвертом в руках.
---	---

Даже те, кому две пятилетки, У кого еще все впереди, Голосуют отличной отметкой, Пионерским значком на груди.	Мы испытанным людям своим В этот день голоса отдадим. Кого любит народ, Кому верит народ, Только тех он в Совет изберет,
--	---

Отдают пионерский салют И о родине песни поют: Нашим паркам цвести,	Чтобы пела страна, Богатела страна, Чтобы шла все вперед и вперед.
---	---

ГРАНИЦА

Песня из репертуара Гос. театра эстрады для детей

Стихи В. Винникова

Муз. М. Иорданского

Довольно скоро

Пение

Затевала

1. За ле-ту-чей ту чей,

за па-ду-чей кру - чей, в тем - ных за-рос-лях тай-ги, —

за го-рой вы-со - кой, за ре-кой ши-ро - кой, на гра-ни-це

Ф.п.

Припев
Все

ищут путь вра-ги. — не най-дет по-вар-ный

не-друг и наша Ро-ди-ну пу-ти. — Да-же

за-ять хо-ра дво-е ^{все} за-ять хо-ра все ^{все}

ту-ча-м, ту-ча-м, ту-ча-м, да-же вет-ру, вет-ру, вет-ру ру-бе-

*) При сольном исполнении петь верхний голос.

1. За летучей тучей,
За падучей кручей,
В темных зарослях тайги,
За горой высокой,
За рекой широкой,
На границе ищут путь враги.
Припев: Не найдет коварный недруг
К нам на Родину пути.
Даже тучам, тучам, тучам,
Даже ветру, ветру, ветру
Рубежа тайком не перейти!
2. Если по дубравам,
По высоким травам
Поползут враги в кусты,—
За травой, за лесом
Сталью и железом
Встанут пограничные посты.
Припев.
3. Если из-за тучи
Черной и гремучей
Коршун бросится с высот,—
Будет вражий коршун
Из-за тучи сброшен
И на землю мертвым упадет.
Припев.
4. Если сквозь туманы
В наши океаны
Вражьи силы поплывут,—
Их взорвут минеры,
Их сотрут линкоры,
Гидропланы бомбами сме-
тут.
Припев.

2 раза

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы	И не повернув
выгрыз	головы кочан
бюрократизм.	и чувств
К мандатам	никаких
почтения нету.	не изведав,
К любым	берут,
чертям с матерями	не моргнув,
катись	паспорта датчан
любая бумажка.	и разных
Но эту...	прочих
По длинному фронту	шведов.
купе	И вдруг,
и кают	как будто
чиновник	ожогом
учтивый	рот
двигается...	скривило
Сдают паспорта,	господину.
и я	Это
сдаю	господин чиновник
мою	берет —
пурпурную книжицу.	мою
К одним паспортам	краснокожую паспортину.
улыбка у рта.	Берет —
К другим —	как бомбу,
отношение плевое.	берет —
С почтеньем	как ежа,
берут, например,	как бритву
паспорта	обоюдоострую,
с двухспальным	берет
английским левою.	гремучую
Глазами	в 20 жал
доброе дядю выев,	змею
не переставая	двухметроворостую.
кланяться,	Моргнул
берут,	многозначие
как будто берут чаевые,	глаз носильщика —
паспорт	хоть вещи
американца.	снесет задаром вам!
На польский	Жандарм
выпяливают глаза	впросительню
в тугой	смотрит на сыщика,
полицейской слоновости —	сыщик —
откуда, мол,	на жандарма.
и что это за	С каким наслажденьем
географические новости?	жандармской кастой

я был бы		катись
	исхлестан и распят	любая бумажка.
за то,		Но эту...
	что в руках у меня	я
	молоткастый,	достаю
серпастый		из широких штанин
	советский паспорт.	дубликатом
Я волком бы		бесценного груза.
	выгрыз	Читайте,
	бюрократизм.	завидуйте,
К мандатам		я —
	почтения нету.	граждан
К любым		Советского Союза.
	чертям с матерями	

Якуб Колас

СВОЕМУ НАРОДУ

На простор, на широкий разлог
 Выдь, народ мой, веселой толпою.
 Сотни новых и ясных дорог
 Жизнь расстелет теперь пред тобою.
 Новой доли восходит заря.
 Будешь жить ты без панской опеки.
 Отошла, отцвела их пора,
 И панам не вернуться вовеки.
 Посмотри, как просторно вокруг,
 Как умолкли дворцы и костелы.
 Все твое! Это поле и луг.
 Строй в дворцах себе новые школы.
 Иди ж смело и честно вперед
 Вместе с нами дорогой единой.
 Мудрый Сталин ведет свой народ
 К коммунизма счастливым вершинам.
 На простор, на широкий разлог
 Выдь, народ мой, веселой толпою,
 Много новых счастливых дорог
 Жизнь расстелет теперь пред тобою.

Перевод с белорусского Р. Ивзиковой.

ВО ВЕСЬ РОСТ

Они до нитки...
 не любили повадок наших, Но если народу —
 Кривили штыки иступить,—
 вельможный рот, то —
 страшась, не за чужие пожитки!
 что, вольное зная под- Не вздыбишь
 нявши, народа таящихся сил
 их смелет при помощи
 в муку народ. окрика злого,
 А так, Но вот — наш Молотоц
 под защитой штыков объявил
 заморских, советское
 их вешнее слово.
 буря не накренил; На „их“ Украине,
 дворцов их Закревских, на „их“ Беларуси
 их замков Замойских такие ж живут
 не сдвинется Пятры и Маруси,
 герб и гранит. и этих людей
 Ворчали, на серьез,
 на нас оскалив клыки, не для виду,
 напоминая собаку цепную, нигде,
 но как никогда,—
 на ходу оказались легки: не дадим мы в обиду.
 посыпались И эта простая,
 врассыпную! спокойная речь
 От Польши осталась сердца
 самая малость; опалила жаром;
 где палец в карту им нужно помочь,
 не тычешь — поддержать,
 куда вельможество их поде- оберечь,
 валось? чтоб не пропадали
 с пятью фонарями задаром!
 не сыщешь! Какая уверенность,
 Сам — польский народ сила,
 не унижен ни в чем, подъем
 то — панское — во всех
 втоптано повстречавшихся взорах:
 зная, мы руку помощи
 а он — показал, тем подаем,
 что не хочет мечом кто кровно нам близок
 махать и дорог!
 наряду с панами. Не верь,
 Тяжелая участь — трудовой польский народ,—
 страну уступить, кто сказкой
 фронт истончив начнет забавить,

что будто	своими руками
затем мы шагнули	добытой.
вперед,	Мы переходим
чтоб горя	черту границ —
тебе прибавить.	не с тем,
Твое величие —	чтобы нас боялись,
не в белом орле,—	не с тем,
мы знаем это	чтоб пред нами
по опыту,—	падали ниц,—
оно —	а чтоб —
в спокойном труде,	во весь рост выпрямлялись.
на земле,	

.Перец Маркиш

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА

Еще вчера —
 Зажатая в когтях свинцовых
 Разбойничьего польского орла,
 Металась ты в огне багровом
 И истекала кровью, и звала,
 И грезила о вольности старинной —
 Земля, порабощенная врагом,
 Кусок живого тела Украины,
 Придавленный шляхетским сапогом.
 Застыли хаты в нищете и гневе,
 Проселки замерли под тяжестью крестов,
 И виселицами устали быть деревья
 Для Украины Западной сынов.
 Рубахами, пропитанными кровью
 Повстанцев, рудокопов, батраков,
 Украсил стены сейм —
 Угрюмое гнездовье
 Бесславного шляхетского орла.
 Поля, опустошенные дотла!
 Поруганные, нищие селенья!
 Толпа карателей,
 Как черный смерч,
 Прошла,
 Неся огонь, разбой и разрушение.
 Прогулкою прошли убийцы по руинам
 И у народа вырвали язык,
 Чтобы повисли крылья немоты
 Над Западною Украиной.
 Но жил в твоей крови — грядущий
 день свободы,
 В твоих заветных песнях и былинах,—

Ты звал его и страстно ждал, народ,
 Поруганной панами Украины!
 В полях, на фабриках, в сырых и
 темных шахтах
 Лелеял ты в груди своей мятеж,
 Когда орел надменной, наглой шляхты
 Точил свой клюв кривой на лакомый
 рубеж,
 На древний и прекрасный город Киев,
 А когти хищника кривые
 Писали хлопской кровью лживый
 манифест,
 Сжигая украинские деревни,
 Сгоняя пахарей твоих с исконных мест,
 А пестрый клоун в Бельведере древнем
 Под распростершимся орлом,
 В своем наряде — пышно-шутовском,
 Разыгрывал пред всей Европой
 Кровавый фарс демократических свобод
 Для украинского холопа.
 И ты вставал тогда, народ, в
 порыве яром,
 И гул восстания летел во все концы,
 И полыхали вновь губительным пожаром
 Господские поместья и дворцы.
 Сегодня — окрыленный счастьем, народ,
 Ты открываешь радостно объятия,
 И с ликованием встречаешь ты поход
 Червонной армии твоих советских братьев,
 Несущей мир на знамени великом
 Сельням и полям твоей страны,
 Что предана бездарной панской кликой
 И брошена в огонь и дым войны.
 И каждый ком земли, возделанной тобою,
 Есть громовой сигнал, зовущий к бою,
 И каждый дерева кусок,
 И каждый придорожный камень,
 Натруженными поднятый руками,
 В смертельный превращается клинок.
 И против тех, кто правил в Бельведере,
 Обрушился удар, разгромлен произвол;
 Лежит в пыли ошипанный орел,
 И по ветру летят развеенные перья.
 Пылайте, дали, торжеством побед
 И заревом ликующего братства!
 Там, где вчера звенели цепи рабства,
 Встает сегодня молодой рассвет
 Над старой украинской равниной.

Ты вновь надежд и гордости полна,
 Так много выстрадавшая страна,
 Кусок живого тела Украины!
 Свободы песнь, прекрасна и звонка,
 В твои просторы синие струится,
 И близится к тебе советская граница
 И кровных братьев мощная рука.

Перевел С. Левман

В. Маяковский

ПОЛЬША

Хотя	Придешь поесть,
по Варшаве	закажешь пустяк,
ходят резво,	А сбоку
ни шум не услышишь,	этакий пялится.
ни спор,	И ежишься ты,
одно	глаза опустя,
звенит:	а вилку
офицерский звон	стиснули пальцы.
сабель,	Во мне
крестов	никакой кровожадности
и шпор.	нет,
Блестят	и я
позументы и галуны,	до расправ не лаком,
как будто не жизнь,	но пользы нет
а балет.	от их эполет
И сабля	ни миру,
ясней молодой луны,	ни нам,
и золото эполет.	ни полякам.
Перо у одних,	Смотрю —
у других тюльпан,	на границе
чтоб красило	на всякий случай,
низкий лоб.	пока от безделья томясь,
Я, дескать, вельможный,	провода
я, дескать, пан,	лежит колючая
я, дескать, не смерд,	для наших штанов
не холоп.	и мяс.
Везде	А мы, товарищ,
исследуйте улиц тыщи,	какого рожна
малюсеньких	глазем
и здоровенных.	с прохладцей с этакой?
Идет гражданин,	До самых зубов
а сзади	вооружена
сыщик,	у нас
а сзади —	под боком
пара военных.	соседка.

ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЭМА

Сталин, ты своей могучей волей Закалял умы, крепил сердца. Озарял боев великих поле Светлый пламень твоего лица.	И для них работа — не обуза, И для них доступны все края. Говори: я гражданин Союза И моя отчизна — это я.
Ты наш друг, отец, учитель верный, Подвиг наш и знамя наших сил.	Не напрасно падали герои, Не напрасно кровь рекой лилась. Я горжусь моим советским строем
Труд твой, величавый, беспри- мерный, Землю и народ плодотворил.	И храню мою родную власть!
Вот идут полярники, пилоты, Пограничники, бойцы страны, Мастера науки и работы, Коммунизма верные сыны.	Разве светлый лик ее забудешь, Кровных уз порвешь тугую нить? Если эту землю ты не любишь —
И ряды колонн текут сверкая, И ряды трибун полны гостей, Командиры шашки опускают, Поднимают матери детей.	Ничего ожешь ты любить.
Молодежь проходит горделиво, Грозный флаг несется в обла- ках, И проносят девушек счастли- вых	Ледяные крепости Кавказа, Богатырской степи облака, Путь на полюс — Сталинская трасса, Волга, — речка, реченька, река.
На высоко вскинутых руках. Проплывают, в синеве светлея, Полные восторга и тепла, Мимо темных граней мавзолея Бронзовые девичьи тела.	Подмосковный луг, широкий, росный, Кара-кум — пески, седой Саян, Строевые, мачтовые сосны, Медленный Великий океан.
Это мы, и это наши люди, Наши дети — племя молодых.	Кахетинские тугие лозы, И Памира грозная стена, Легкие, весенние березы,
Тяжкий гром Аврориных ору- дий Колыбельной песней был для них.	Длинные холмы Бородина.

И вишневые сады Полтавы,
Куликова поля мурава,
И река —
 водительница славы,
Темная, могучая Нева.

Все штыками и трудом добыто,
Кровью мыто, славой зажжено.
Враг, войдя сюда, — бежал раз-
 битый,

Небо рдело, вороньем полно.

К нам враги протягивают лапы,
Узнаем его звериный дух,
Но на север, на восток, на
 запад

Смотрят очи
 наших часовых.

Осип Колычев

ПРИСЯГА

Я, сын трудового народа,
Святую присягу даю —
Со всеми врагами народа
Бороться в смертельном бою.
По первому слову наркома,
По первому зову Кремля
Я выйду из отчего дома —
И мне улыбнется земля.
Покуда не скроюсь из виду,
Мне будут платками махать...
Клянусь, что не дам я в обиду
Тебя, моя родина-мать!
И — ни на воде, ни на суше,

Ни в пешем, ни в конном
 строю —
Я клятвы своей не нарушу,
Какую наркому даю.
Пусть плещется по ветру
 грива
Буденновского скакуна!
Я — воин, я самый счастливый,
Меня провожает страна!..
Промчусь я от края до края,
Пройду от конца до конца.
Не тонет, в огне не сгорает
Суровая клятва бойца!

К. Паустовский

ПОВОДЫРЬ

Рассказ

Обширное Полесье качалось под поплавками машины. Леса уже желтели, роняли листву, над просеками висело в осеннем дыму белое солнце.

„Товарищ командарм, — написал летчик на записке, — разрешите сесть на ближайшем озере — мотор капризничает. Озеро, кстати, много“.

Командарм читал. Он нехотя оторвался от книги, прочел записку, написал на ней: „Совсем некстати, но делать нечего“, и вернул записку летчику. Летчик взглянул на нее и повел самолет на снижение.

Командарм снова раскрыл книгу, но в это время поплавки ударили в воду, она как бы взорвалась, превратилась в шумную пену, и самолет помчался, разбрызгивая озеро, к лесистому берегу.

Командарм взглянул за окно. Летчик рулил к избе на берегу. Озеро было так густо засыпано палыми листьями, что даже сквозь стекла кабины проникал их сладковатый запах.

Глухо загремел маленький якорь. Командарм открыл дверцу кабины и прислушался. Давно забытая тишина простиралась на сотни километров над лесами. Не было слышно даже пересвистывания птиц. Такая тишина бывает только безветренной ночью, когда легкий хруст сухой травинки застает вас врасплох и заставляет сердце биться глухо и торопливо.

— Где мы сели?— спросил командарм.

— Это Полесье,— ответил летчик.— В ста километрах отсюда город Чернобыль.

— Ну, хорошо. Чините скорее мотор.

Опаздывать было нельзя. Командарм летел на юг, к морю, где его ждал громадный флот, готовый выйти в осеннее учебное плавание.

От единственной избы на берегу отчалил старый челн, человек на нем греб стоя.

Челн подошел к самолету, и человек крикнул с челна командарму:

— А я дивлюсь — який журавель прилетел до нас с неба. Що воно, думаю, и яка в том причина. Должно, поломались, землячки?

— Ничего, не поломались,— ответил летчик.

— Ну-ну,— добродушно согласился лесной человек.— Нехай будет по-вашему. А вы, часом, не с Москвы?

— Из Москвы,— ответил командарм.

— Ну, седайте в челн, будете гостем, хоть хата моя и не дуже богатая. Я — полесовщик здешний.

Командарм сел в валкий, полный воды челн.

Летчик остался чинить машину.

Командарм прошел в избу. На стене были приклеены портреты, вырезанные из старых газет. Среди них рядом с портретом Шевченко командарм увидел себя, — он был изображен молодым, улыбающимся.

Командарм снял фуражку, провел широкой ладонью по седым волосам и сел на лавку. Лесник полез в подпол за молоком и сыром.

Из темного угла послышалось заунывное жужжание. Командарм оглянулся, — на полу сидел старик с белыми слепыми глазами. Блестящая от старости, отполированная сотнями нищих заскобленных рук украинская лира лежала у него на коленях. Старик дленно поворачивал костяную ручку, деревянный треснувший грибок вертелся, терся о струны, и они глухо жужжали, как шмели.

— Ты здешний, отец?— спросил командарм.

— Не, я из-за Припяти. Иду на Чернобыль, на Киев, як силы даєт — дойду до самого моря.

„Странный старик“, — подумал командарм.

Ли́ра жужжала все так же тихо и заунывно.

Вошел лесник.. Он поставил на стол кувшин с молоком, положил краюху черного хлеба и рассказал, что убогий этот старик пришел из-за Припяти. Его привел мальчик из соседнего колхоза и тотчас ушел. Теперь надо бы проводить старика до Чернобыля, но все некогда. Идет старик без поводыря. Где теперь взять поводырей, когда все девчата и хлопцы бегают в школу. Так и пробирается один к морю, а зачем — неизвестно, говорит — к дочери.

— Ты бы мне спел, отец, — попросил командарм, разламывая черный хлеб и макая его в кружку с молоком.

— Спасибо на ласковом слове, — ответил старик. — Теперь народ пошел торопливый, не слушает старые песни.

Старик помолчал.

— Сплю я тебе думку, что сложили про меня, про старого Колдобу, сырые слепцы, покалеченные люди, — сказал спокойно старик, и командарм невольно вздрогнул. — Слухай тихонько

Старик снял шапку и долго, молча жужжал на лире.

— Як бурьян на шляхах вянет да пылится, — сказал он печально, — так и сердце сохнет от людской обиды. Як вода на речке льется, уплывает, — так и слезы льются, их никто не чувствует.

Ли́ра стихла. В наступившей тишине старик сказал просто и громко:

Ой, жила на свете сирота-небога,
Тай пришлась сиротке трудная дорога.
Мать ее не мыла, волос не чесала,
Корку хлеба с салом, борща не давала, —
Бо в могиле маты третий год лежала.

Ли́ра снова зажужжала громко и томительно.

Тай коров пасла та сирота у пана,
Ночевала бидна посередь бурьяна.
Грозы по над степью ходят чередою,
Молнии полышут над сухой травой.

Слепец рассказал, как гроза разогнала стадо в степи, как потеряла девочка лучшую корову и как хозяин выгнал ее ночью со двора и не дал даже куска хлеба.

И пошла сиротка, слезы утирае,
Мать свою с могилы даром выкликае.
Доля человечья слезами полита,
Доля человечья тоскою повита,
Доля человечья богом позабыта.

Старик опять помолчал. Скрипела ли́ра.

— Слухай, сердце мое,— сказал старик командарму.— Немае на свете гирише слез, як слезы сиротыны.

Он прижал струны и снова заговорил:

Так бежит сиротка, а куда не знае,
Тай на шляху ночью казака встречае
И тому казаку все оповидае.
Взяв казак сиротку и довел до хаты,
Где господовала его стара маты.
И казав казаче матери: „Горпына,
Я знайшов на шляхе небогу-дивчину.
Будь же ей, старуха, як родная маты,
Я ж пойду до пана два слова казаты“.

Ли́ра зажужжала торопливо, и старик запел грозным голосом:

То не грозы в небе ходят да играют —
То господски хаты огнем полыхают.
Ще не вмерла правда та холопска сила,
Ще не заростае панская могила.
Гей, вставайте, люды, со степей та гаев,
Гей, вставайте, люды, кто щастья не мае,
Шуми, Украина, повстанням та свистом,
Бренчи, Украина, блискавым монистом,—
Бо идут холопы рятуваты волю,
Отбиваты землю, будоваты долю!

Ли́ра еще долго гудела и затихала. Командарм слушал, отодвинув хлеб. Щемлящая эта песня напомнила ему детство, далекие годы, когда он мальчишкой гонял в ночное в осенние холодные ночи старого коня и у него, у мальчишки, был один тулупчик,— рваный, косматый от вылезшей шерсти.

— Очи я себе спалил на том на панском пожаре,— сказал старик, надевая шапку.— За год до войны я ослеп. Один голос остался для меня на свете.

— А где ж та девочка?— спросил командарм.

— Двадцать годов я ее не бачив,— ответил старик.— Як наскопили на наше село гайдамаки,— она и ушла через болота с красными частями. Так и сгинула, загубилась в городах посередь многолюдства.

Немае у мене иншого ридного сердца,— она одна осталась. Шукав я ее сколько годов, исходил всю землю. Месяц назад вернулся в свое село, прибег до мене председатель колхоза и каже: „Дочка твоя знайшлась. Приезжав, каже, на побывку Остап — вин служит во флоте. Вин ее бачив, она про тебя пытала, а вин, дурень, казав, що ты ушел из села, загубився, мабуть, вже помер. Она ажжє плакала. Я, каже, адрес ее у Остапа списав. Ось вин!“

Старик вытащил из-за пазухи измятую бумажку и протянул ее вперед в дрожащей руке.

Командарм прочел адрес при свете керосиновой лампочки.

— Далеко тебе идти, отец, — сказал командарм. — До самого моря. Далеко и долго идти.

— Одного боюсь — не дойду, — ответил старик. — Годы мои великие, силы прежней нету.

Вошел летчик и доложил, что работы осталось часа на два и на рассвете можно будет лететь.

— Значит, мы не опоздаем? — спросил командарм.

— Мы прилетим как раз во-время.

Ночью командарм не спал. Он вышел из избы. Как только он переступил порог, густая ночь окружила его шелестом и холодом. Где-то в лесных чащах печально крикнула птица. Осины на берегу торопливо зашуршали листьями и стихли.

Командарм вернулся в избу. Все спали.

— Отец, — негромко позвал командарм. Слепец зашевелился в своем углу. Командарм зажег спичку. Старик сидел на полу, прислонившись к стене, и смотрел в темноту светлыми мертвыми глазами.

— Отец, — повторил командарм, — собирайся. Мы возьмем тебя, доставим до моря.

Старик молчал.

— Бери лиру, завяжи сумку с хлебом. Через час полетим

Старик молчал. Командарм снова зажег спичку.

Старик сидел все так же, и из его открытых глаз текли редкие слезы.

— Чую, — тихо сказал он. — Чую, сердце мое.

Через час машина с торжественным рокотом, разогнав по озеру темную волну, шла в небо, разворачиваясь к югу, где низко среди просек и пустошей дотлевал пепельным стnem Юпитер.

Перед отлетом летчик оглянулся на слепца, сидевшего в кабине. Лицо старика сморщилось от слез. Он стыдился их, вытирал глаза колючим рукавом свитки и бормотал:

— От, старый дурень, яка приключилась история.

— Разрешите доложить, — сказал летчик командарму. — Триста километров лишних. Мы опоздаем ко флоту.

— А вы не опаздывайте, — ответил, усмехнувшись, командарм.

Через четыре часа самолет, окруженный дрожащим серебряным воздухом, сел в зеленых бурунах, в солнце и громе моторов около желтых рыбачьих лачуг, красных скал, около берегов, залитых мерным и теплым прибоем.

Казалось, что приморский городок еще спит, — так пустынно было на его каменных улицах, когда командарм осторожно вел за руку, как поводырь, дряхлого лирника в старой колючей свитке.

— Ну, вот, — здесь! — сказал командарм и остановился около

маленького дома. Тонкие сети, похожие на голубую паутину, висели на ограде, и черный кот сидел на перевернутой шлюпке и лениво жмурился на командарма.

— Я тебе, отец, открою калитку, — тихо сказал командарм, — а там уж ты сам доберешься. Я тороплюсь.

— Я дойду, я дойду, сердце мое, — растерянно ответил старик.

Командарм открыл калитку, ввел в нее старика и быстро отошел за угол. Он заметил сквозь заросли дикого винограда молодую женщину, стремительно сбежавшую со ступенек террасы, услышал отчаянный радостный крик, смешанный со слезами, торопливо вынул папироску, на ходу закурил и, прыгая с камня на камень по крутым спускам, сворачивая в боковые, запутанные переулки, быстро пошел к морю, где его ждал самолет.

В сумерки под крылом самолета открылись глубокие бухты. Во мгле, в перебегающих огнях, в шуме флагов и блеске сигнальных фонарей, плеске волн и гомоне чаек покачивался на якорях и тяжело дымил южный флот, дожидавшийся командарма, чтобы выйти в осеннее учебное плавание.

Командарм опоздал на два часа.

Лев Шифферс

КОЛПАК

Много людей на свете живет.
Одного зовут Петей, другого Ваней,
А третьего — Леонардо-да-Винчи.

И вот —

Сколько имен, сколько призваний.
Тот на метро регулирует ток,
Этот заведует местной аптекой.
А я по своей специальности кто?
Пекарь.
К тесту меня приохотила мать,
Тесто я чувствую с самого детства.
Люблю, понимаете, этак помять
Упругую мягкость теплого теста,
Придать ему форму, какую хочу,
Пройтись помазком да присыпать муницей,
Да жару такого задать калачу,
Что чорту в аду у меня поучиться!
И выйдет калач у меня из печи —
Румяный,

Пахучий,

С поджаристой коркой.

Матушка милая, на — получи!
Гордись при народе серьезным Егоркой.
Подрост я, конечно, — пошел в пекаря,

Хозяином стал на колхозной пекарне:
 Крупчатки отборной — три полных ларя.
 Да только беда: насмежаются парни.
 Прозвали меня как-то в шутку „Колпак“.
 Парни — дразнят, а девушки смеются.
 Вечером — улица.
 Песни. Гопак.
 Один я — в стороне,
 Как стаканчик без блюда.
 Конечно, на рты не наложишь печать,
 Да мне-то от клички обидно и горько.
 Главное что — как хлеба получать,
 Так уж тут я для них не „Колпак“, не Егорка,
 А Егор Тимофеич... мастер хлебов...
 „Калач-то, видал. По-московски печеный...“
 Такое почтение, такая любовь,
 Как будто я летчик или ученый.
 Устроили в городе слет пекарей,
 И меня на него послали.
 Ходил я по улице, как по горе.
 Что таить?
 Замечтался о славе.
 Увидел я в „Правде“
 На снимке
 Ковер.
 Стахановцы вышиты все поименно.
 Подумал...
 И вызвал на соцдоговор
 Все десять пекарен района.
 Откликнулись сразу.
 Отвагой горя,
 Становятся к печке парень за парнем.
 Рьяно за дело взялись пекаря,
 Жара пошла по пекарням.
 Они нажимают, и я наддаю.
 Освоил приправы — корица, мята...
 Но тут прибывает в пекарню мою
 Повестка из Военкомата.
 Ну, я прихожу на призывный пункт,
 Ребята кругом —
 Румяны, плечисты.
 Того — в кавалерию,
 Этот в танкисты.
 А меня — в пекаря...
 Вот-те, думаю, фунт!
 (Скороговорка)
 Васильевы хлопцы —
 Теперь краснофлотцы.

Сенька-сапожник —
Железнодорожник.
Петька-жестяник —
Автомеханик.
Борька — стрелок,
На боку — котелок.
Пастух теперь летчик.
Кузнец — пулеметчик.
Учительский Ленька — библиотекарь,

А я

и был,

и остался пекарь!

„Товарищ начальник, обида имеется.
Гордость задета у красноармейца.
Я держу курс на воздушный флот.
Неужели всю жизнь просидеть на крылечке.
Да, может быть, я — прирожденный пилот!
А вы меня приземляете к печке.

Начальник смеется!

„Это вы зря.

В армии пекарь —
Военных дел мастер.

Между прочим,

Секретно,

Нужны пекаря

В дальневосточные части“.

Тут я, конечно, подпрыгнул, как мячик.
В глазах у меня загорелась заря.

„Товарищ начальник,

Я же не мальчик.

„Товарищ начальник,

Иду в пекаря!..“

И вот я, товарищи, на границе.
Хотелось вам знать, какая там жизнь.
Жизнь — ничего.

Не стоит браниться.

Только, конечно, гляди да держись.

И печи все на месте.

Заслонки, канфорки...

Хорошая тяга.

Объемистый под.

Работаю при обычном комфорте.

Стерильным платком изолирую пот.

Ребята хорошие.

Сопки.

Природа.

Слова худого не скажу ни о ком.

Однако, в семействе не без уroda.

Нашелся один,
Обозвал „Колпаком“.

Пришли как-то поздно ребята с заставы.
При выдаче хлеба собралась толпа.
Ну, он и озлился.
Конечно, усталый,
Не удержался,
Сказал про колпак.

Обидно мне стало.

Опять эта кличка.

Думаешь, чести у пекаря нет.

Стрелял я неплохо,

Как все,

На отлично.

Ну, думаю, дам на обиду ответ.

Собрали ребят на полянке у дуба

(Дубы у нас знатные — первый сорт),—

И вот на трибуне зеленого клуба

Взял себе слово ротный комсорг.

Был вечер.

Вдали голубела сопка.

И комсорг произнес горячую речь,

Что желудок бойца — это вроде как топка

И что пекаря надо. ребята, беречь,

Что мы все на посту — часовой или пекарь,

И что в нашей груди горит пламенный жар...

В чем его батальонный лекарь

Очень чувствительно поддержал.

Обидчик стоял, как шиповник, колющий,

Поэзии, видно, не разобрал.

Два дня он ходил неисправный и злочий.

Что делать.

У парня заносчивый нрав.

Но тут очень скоро представился случай,

Сказавший ему:

„Гражданин, ты неправ!“

Утро в тот день удалось наславу,

Только я в печь поставил хлеба,

Как вдруг прокатилась на всю заставу

Пулеметная стрельба.

Тревога!

Японец прокрался за речкой,

Форсировал брод и попер на рожон.

И стал я, товарищи, перед печкой,

Как Гамлет, в сомнение погружен.

Оставить хлеба — не сгорели бы корки.

Опять же, в бою — нельзя без меня.

Мечусь я, как заяц, настигнутый в норке,

К дверям и обратно рысцой семеня.
 В бою не бывать — оказаться в обиде.
 А кто позаботится о пайке.
 Но тут я нашелся,
 Айда к пирамиде.
 Как был, весь в муке
 И в своем колпаке,
 Хватаю винтовку,
 Вставляю обойму —
 И дую с пригорка,
 Как ветер в степи...
 А там перебежкой, конечно, на пойму,
 Кустами добрался до нашей цепи.
 Прилег за пенечком,
 Никак не опомнюсь.
 От бега вспотел.
 Солнце. Пальба.
 Трудно, ребята:
 На мушке — японец,
 А на уме — хлеба.
 Лежу я в степи на зеленом пригорке,
 А мне лейтенант говорит: „А хлеба?
 Смотри, чтоб совсем не сгорели корки“.
 Но тут опять разгорелась стрельба.
 Перебегаю я вместе со всеми,
 Мало-помалу увлекся стрельбой.
 Тесним мы японца.
 Вдруг слышу:
 „Время!
 Пекарь, оставить бой!“
 Я вышел из боя согласно устава —
 И двинул к пекарне бегом, напрямик.
 В гору-то тяжело.
 Дошел до заставы,
 К пекарне дополз и к заслонке приник.
 Матушка, милая...
 Неужто сгорели?
 Открыл я заслонку...
 Ай да хлеба!
 Пахучи...
 Румяны...
 Тащи поскорее
 Да щи с этим хлебом
 До ночи хлебай!
 Вымыл я руки,
 Вынул буханки,
 Поставил другие
 И снова — к реке.

Только гляжу:

Солидно, как танки,
Бойцы возвращаются не遠деке.

„Как дела, ребята?
До конца я не был“...—

„Все благополучно.

К нам не подступи!

Только вот придется

Щи хлебать без хлеба,

Потому что пекарь был в цепи“.

Тут я рассердился.

Взял, конечно, слово:

„Пекарь-то о вас печется не за страх.

Попрошу, дойдите молча до столовой!“

А в столовой

Хлеб —

пахучий

На столах!

Вышел тут навстречу

Обидчик мой давнишний.

Я разволновался.

В горле — ком.

Говорит обидчик, покраснев, как вишня:

„Что у вас, товарищ, с колпаком“.—

„Отойди, товарищ,

Брось свои насмешки!“

И кругом, как прежде, собралась толпа.

Говорит обидчик:

„Нету тут насмешки.

Верно, ты, товарищ,

Не заметил в спешке,

Что прострелен пулей

Боевой колпак!“

Снял я колпак.

А он — словно в мыле:

Потом пропитан, как чепрак у коня.

Действительно: пуля прошла навывлет.

Тут бойцы подхватили меня —

И ну качать!...

Время кончать.

Заболтался я что-то.

Пора бы и вам за стол.

Вот наградили „Знаком почета“,

Да я толком не знаю, за что.

И нету на свете того человека,

Который мне б объяснил, наконец:

То ли за то, что я — пекарь,

То ли за то, что боец.

КОЛХОЗНАЯ

Стихи А. Гатова

Муз. В. Мурадели

Быстро

Пение

У-ро-жан

Ф-П

sfz > mf

mf

ко - рош, и кол-хоз при - го-ж - Хо-ро-ша пше-ни-ца на-ша-

вдо-воль сит-ных на-пе-чешь! вдо - воль сит - ных на - пе -

1. Урожай хорош,
И колхоз пригож.
Хороша пшеница наша —
Вдоволь ситных напечешь!
(3 раза)	4. Урожай хорош,
И колхоз пригож.
Сапоги да полушубки
Вместо лаптя и рогож!
(3 раза)
2. Урожай хорош,
И колхоз пригож.
Уродилась наливная,
Золотая наша рожь!
(3 раза)	5. Урожай хорош,
И колхоз пригож.
В декабре сыграем свадьбы —
Тройку в сани запряжешь!
(3 раза)
3. Урожай хорош,
И колхоз пригож.
Если летом поработал,
Славно зиму проведешь!
(3 раза)	6. Урожай хорош,
И колхоз пригож.
Старики помолодели,
Веселится молодежь!
(3 раза)

ИЗ ПОЭМЫ „ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН“

Когда я итожу	поведенные в битвы,
то, что прожил,	еще
И роюсь в днях —	не зная
ярчайший где,	его по портретам,
я вспоминаю	толкались,
одно и то же —	орали,
двадцать пятое,	острее бритвы
первый день.	солдаты друг друга
Штыками	крыли при этом.
тычется	И в этой желанной
чирканье молний,	железной буре
матросы	Ильич,
в бомбы	как будто
играют, как в мячики.	даже заспанный,
От гула	шагал,
дрожит	становился
взбудораженный	и, глаз сощура,
Смольный.	вонзал,
В патронных лентах	заложивши
внизу пулеметчики.	руки за спину.
-- Вас	В какого-то парня
вызывают,	в обмотках,
товарищ Сталин.	лохматого
Направо	уоставил
третья,	без промаха бьющий глаз,
он	как будто
там.	сердце
— Товарищи,	с-под слов выматывал,
не останавливаться!	как будто
Чего стали?	душу
В броневики	тащил из-под фраз.
и на почтаут!	И знал я,
.....	что все
Кто мчит с приказом,	раскрыто и понято
кто в куче спорящих,	и этим
кто щелкал	глазом
затвором	наверное выловится —
на левом колене...	и крик крестьянский,
Сюда,	и вопли фронта,
с того конца коридорища,	и воля нобельца,
бочком	и воля путиловца.
пошел	Он
незаметный Ленин.	в черепе
Уже	сотней губерний ворочал,
Ильичем	людей

носил	фронтам,
до миллиардов полутора.	кровью пьяным,
Он взвешивал	рабам
мир	всякого рода,
в течение ночи,	в рабство
а утром —	богатым отданным —
Всем!	Власть советам!
всем!	Земля крестьянам!
всем это	Мир народам!
	Хлеб голодным!

Джамбул

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Здравствуй, именитая! Сердцу ты близка,
Золотом прошитая, светлая Москва!

Поднялась ты первою, мраку напролом,
Мрамором и деревом, сталью и стеклом.

Отгремев походами, мир и труд любя,
Фабрики с заводами встали вокруг тебя.

Не палаты царские, не дома-слепцы,—
Встали пролетарские гордые дворцы.

Бьют фонтаны чудные голубой воды,
Манят изумрудные парки и сады.

Вести в мире слышатся — ты чудес полна:
У Кремля колышется волжская волна.

От утра и до ночи мчат быстрее ветров
Трассой Кагановича поезда метро.

Небеса штурмующий, встал дворцов светлей
Ленинский волнующий сердце мавзолей.

А над ним, былинами думы окрыля,
Зацвели рубинами пять огней Кремля.

Ты в поре цветения. Ты нам всем близка.
Ты — сердцебиение всей страны, Москва!

Рвутся все народности мыслями к тебе,
Город светлой гордости, выросший в борьбе.

Запылав зарницами под крылом Кремля,
Светлыми столицами зацвела земля.

Ты, огненнолицая, краше всех зарниц,
Ты, Москва,— столица десяти столиц.

Гул столиц сливается. На тебе их взгляд.
По тебе равняются Фрунзе, Ашхабад,

Минск, туман срывающий, Ереван в цветах,
Киев, весь сияющий, и Алма-Ата,

И Ташкент с чудесными шумами аллей,
И Тбилиси с песнями и с ковром полей,

И Баку плечистое, и Сталинабад,
Где арыки чистые день и ночь журчат...

Песнями прославлена, всем сердцам близка,
Светлый город Сталина — красная Москва,

Где над гробом Ленина клятву он давал,
Где он Конституцию миру написал,

Где ведет народы он, излучая свет,
Все двадцатилетие славы и побед!

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

БЕЛОРУССКАЯ СКАЗКА

Жили в деревне два брата. Поле пахали, землю слезами поливали, горбы себе наживали. Хлеб и скотину у них пань забирали, а платили за это кулаками в спину.

Маялись мужики не год и не два, а неизвестно сколько. И другие мужики вокруг жили не лучше братьев.

Надоело братьям работать на чужое здоровье. Решили они отправиться по России-матушке искать правду. Пошли. Идут месяц, идут год. Видят: стоит большое село. Посреди села,— панский дом и рядом церковь каменная.

„Дай,— думают братья,— зайдем сюда, спросим, где правда живет“.

Идут они по деревне, а навстречу им пан в коляске едет.

— Чьи вы, мужички, откуда идете и чего ищете? — спрашивает их пан.

Отвечают ему братья:

— Жили мы в нищете, в горе, больше сил нехватает так жить. Идем правду искать. Научи нас, пан, где ее найти.

— Хорошо,— говорит пан,— покажу я вам правду, если пожелаете, только вы мне год поработайте за это.

Согласились братья.

Работали они, работали: поле пахали, землю слезами поливали. Прошел год. Приходят они к пану и говорят:

— Научи же нас, пан, как нам правду найти.

— Ну, вот вам и правда,— отвечает им пан,— голь вы немывтая, работать вам всегда на нас, панов!

Плюнули братья и пошли дальше.

Идут месяц, идут год. В село пришли. Поп идет навстречу.

Братья к нему:

— Научи, отец, где правду найти.

— Хорошо,— говорит поп,— я вам правду у царя небесного вымолю, а вы у меня год за это поработайте.

Согласились братья. Работали они, работали: пашню пахали, слезами землю поливали. Прошел год. Пришли братья к попу, а он им говорит:

— Работайте хорошо, бога не гневите,— вот ваша правда!

Плюнули братья, пошли дальше.

Приходят они к купцу. Вышел он, богатый, толстый, толще пана и попа.

— Хорошо,— говорит купец,— научу я вас, где правду найти, только поработайте вы год на меня.

Согласились братья. Стали они на купца работать, горбы наживать. Учил их купец, как честный народ обманывать, бедноту обмеривать. Не прошло еще и года, как младший брат и говорит:

— Не пойду я больше правду искать! Нет ее на свете — правды мужицкой!

И вернулся он в свою деревню. А старший брат настойчивый,— не хотел без правды домой возвращаться. Пошел один к фабриканту.

Фабрикант и пана, и попа, и купца богаче. Начал старший брат работать у него. А на фабрике много людей работает.

Работали они много лет. Горбы наживали, а правды не видали. Раз услышал брат тихую беседу:

— Есть только один человек, который правду знает. Зовут этого человека Ленин, а живет он в Питере.

Запомнил брат имя и пошел искать этого человека.

Шел много дней, а может быть и месяцев. Пришел в Питер. Видит: идет рабочий. Он его спросил тихонько:

— Где здесь Ленина найти?

А тот ему еще тише:

— Пойдем за мной, я тебя доведу.

Вот пришли они в обыкновенную комнату. Кругом разных книг много. Вышел к ним человек,— одет небогато, но чисто. Вышел и ласково говорит:

— Здравствуйте, товарищи, что скажете хорошего?

Рассказал ему брат, как он правду искал. Долго с ними говорил Ленин о порядках на фабрике, о деревенской бедноте расспрашивал, а потом сказал:

— Правильно ты сделал, что на фабрику пошел правду искать, — там скорее узнаешь, где она есть. Вы ее в руках своих держите.

И рассказал Ленин брату, как надо за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни панам, ни купцам, ни фабрикантам, и как выгнать их вместе с царем.

Вернулся брат на фабрику и начал товарищам ленинскую правду рассказывать. Один рассказывает — десять слушают, десять рассказывают — сто слушают. И пошла ленинская правда по всему свету.

Много лет ходила она по фабрикам и деревням. Поднимала рабочих и крестьян на борьбу. А в октябре семнадцатого года объявилась эта правда, заговорила громким голосом, на весь мир загудела. Пошли рабочие и крестьяне войной на помещиков и фабрикантов. А повел их сам Ленин со своим лучшим помощником — Сталиным. И взяла верх ленинская правда.

С тех пор рабочие и крестьяне не работают больше на панов и фабрикантов, горбов не наживают, землю слезами не поливают, — сами хозяева своих фабрик, своей земли и жизни своей.

ТЕПЕРЬ В ТАЙГЕ СВЕТАЛО

ЭВЕНКИЙСКАЯ СКАЗКА

Как человек в тайге живет? Сын — и ладно.

Так и эвенки в тайге жили. С речки на речку ходили, с горы на гору ходили, белку промышляли.

Ходит эвенк по тайге, белку бьет, за зимь на кедре промышляет, глядит, как сучки на деревьях растут. Что заметит, другим не скажет, пусть сами видят. Сыну скажет.

Так и Долбонэ жил. Сосед добудет лишнюю белку — Долбонэ ночь не спит, хочет две добыть. И продать хочет дороже. К купцу вперед норовит, нюхает, какие у купца цены, чтобы самому дороже взять.

Сосед лишний кусок сахару купит, лишнюю горсть муки — Долбонэ от зависти ругает соседа. Горло готов ему перегрызть.

Тут Владимир и стал говорить:

— Вы, говорит, в лесу живете, вы, говорит, по золоту ходите, среди богатств живете, а голодны. Золото надо людям, белку надо людям. Зачем вы, говорит, друг другу завидуете. Вам, говорит, вместе жить надо, зверя вместе добывать, торговать вместе.

А купцы и говорят:

— Владимир — злой человек. Владимир царю враг. Кто убьет Владимира, царь тому три рубля награды даст.

Задумал Долбонэ убить Владимира, три рубля награды взять. Пошел Владимир на охоту. Идет Владимир, а сзади его — Долбонэ от дерева к дереву скачет. Где же Владимиру от эвенка уйти!

Глядит Долбонэ: Владимир идет, на землю смотрит, будто большая дума ему голову вниз тянет. А ружье совсем зря за плечами висит. Шибко сердитый был Долбонэ, а страшно ему стало: „Что Владимир все думает, а не стреляет“.

Стал прицеливаться Долбонэ. Целит в голову, смотрит: головы у Владимира нет, одно тело за мушкой идет. Опустит ружье Долбонэ, смотрит: весь Владимир идет, с головой, как есть. Опять начнет целить — опять головы нет. Никогда такого не видал Долбонэ. В спину, думает, надо, — куда спине деваться. Начнет целиться в спину, смотрит: ноги идут, над ним а голова идет, а спины нет. Вот страшно: мушка в пустое место глядит.

Испугался Долбонэ: ослеп, думает. Протер глаза, посмотрел кругом, видит — рябчик сидит. Прицелился: сидит рябчик. Стрелять можно. Не стал стрелять: Владимира, думает, испугаю. Опять пошел, смотрит: нет Владимира. Тут был, нету. След стал смотреть: идет след, а Владимира нету. Долбонэ бегом побежал, думает: вот как ходит Владимир, не догонишь. А по следу смотреть — Владимир шагом идет. Бежит Долбонэ, запыхался. Думает, только бы догнать: ружье не возмет, рогатиной убью — куда девается. На рогатину медведя можно принять.

Вдруг кукушка закуковала. Долбонэ испугался, говорит: „Почему кукушка кукует. Ведь осень“. Глухарь заиграл. Долбонэ говорит: „Почему глухарь играет. Глухарь весной играет, а теперь осень“. Глядит: белки на сосне гоняются. Совсем испугался Долбонэ. Говорит: „Ой, худо будет: белки осенью гоняются — щенята зимой родятся, замерзнут, охоты не будет. Копалята замерзнут — мяса не будет, голод будет, смерть придет. Однако Владимира надо убивать“.

Только подумал так Долбонэ, глухарь с ветки кричит ему:

— Меня убей, Владимира не убивай.

Белка кричит ему:

— Меня убей, Владимира не убивай.

Кукушка кричит ему:

— Меня убей, Владимира не убивай.

Волк бежит, медведь из-за кедра высунулся, сохатый рога тянет, выдра на брюхе ползет, все кричат:

— Меня убей, Владимира не убивай.

Совсем, совсем испугался Долбонэ. Думает: „Волка убью — медведь меня задерет; медведя убью — волк меня заест; кукушку убью — глухарь меня крыльями забьет; глухаря убью — кукушка закроет; сохатого убью — выдра утопит; выдру убью — сохатый ногами замнет; белку убью — все рассердятся“.

Никого не стал убивать Долбонэ. Зайца убил.

Только убил зайца — смотрит: Владимир рядом стоит.

Смеется и говорит:

— Почему меня не убил, Долбонэ?

Долбонэ говорит:

— У тебя головы не было.

— А почему в спину не стрелял?

— У тебя спины не было.

— А почему в поясицу не стрелял?

— Тебя самого не было.

Владимир говорит:

— Глупый ты, Долбонэ! Пойдем домой.

Пошли они домой, звери по лесу разбежались, каждый по своим делам: белка — в дупло орехи таскать, глухарь — бруснику клевать, медведь — малину сосать, волк — зайцев драть, выдра — норку копать, кукушка — совсем молчать.

Стыдно идти Долбонэ с Владимиром. Долбонэ говорит:

— Стыдно с тобой идти.

Владимир говорит:

— Почему стыдно?

— Долбонэ хуже волка был, тебя убить хотел.

Владимир говорит:

— Нет, не хуже, а такой же, как волк. Волк зайца задерет, мясо съест, шкуру бросит, а шкура денег стоит. Ты меня тоже хотел убить, три рубля получить, а я, может, дороже стою.

Тут кончились Владимиру десять лет. Ушел Владимир из тайги.

Ходит Долбонэ по тайге, думает: „Почему у Владимира головы не было?“

— Я загораживала, — говорит пихта.

— Почему у Владимира спины не было?

— Я загораживал, — говорит багульник.

— Почему Владимира самого не было?

— Мы загораживали, — кричат звери.

Худо у Долбонэ охота пошла. Прицелится он в белку, а белка кричит:

— Ты Владимира убить хотел, а Владимир дороже нас всех, — и убежит от него.

Прицелится Долбонэ в сохатого, а сохатый кричит:

— Ты Владимира убить хотел, а Владимир дороже нас всех, — и бежит от него.

Много лет прошло. Стали по тайге говорить — сегодня скажут, через месяц скажут: на Телякене зимовье поставили, белку берут — муку дают, соль дают, сахар дают, сукно дают, все дают, много дают, в пять раз больше, чем купцы. У кого белки нет, тем в долг дают.

Пошел Долбонэ в зимовье на Телякене. На зимовье так сказал:

— Белки у меня нет, а муки надо.

А ему сказали:

— Ты эвенк. Ружье есть. Собака есть. Глаза, ноги есть Бери!

Долбонэ спросил:

— Почему даете? А если не отдам?

А ему сказали:

— Куда денешься? Другой раз не дадим.

Долбонэ сказал:

— Верно, куда денусь. Если не отдам, купец рассердится, другой раз не даст.

А ему сказали:

— Теперь купцов нету.

— Ну, царь рассердится.

— И царя нету.

— А куда девался?

— Сбросили.

— А кто же торгует?

Сказали ему:

— Государство торгует, советская власть торгует.

Долбонэ понять не может. Ему сказали:

— Ребятишки есть?

Долбонэ сказал:

— Есть парнишка.

Ему сказали:

— Вези парнишку на Илимпейскую тундру. Там теперь большое зимовье поставили: доктор живет, учитель живет. Парнишку грамоте научат, он сам торговать в кооперативе будет. Потом в большой город поедет, учиться будет

Долбонэ сказал:

— Это, верно, Владимир, что у нас жил, царя теперь сбросил и торгует.

Ему сказали:

— Владимир. Только здесь он не жил, в другом месте жил.

Долбонэ сказал:

— Почему врете? Здесь он жил, помню.

Пошел Долбонэ домой и все думает: „Как же Владимир здесь не жил, когда он здесь жил. Вот как может выйти, что у человека голова кругом пойдет: жил Владимир здесь, а говорят не жил“.

Сколько народу в тайге? Столько, сколько звезд на небе. Если завидовать каждому, — жилы посохнут. А если жить вместе, как Владимир говорит, — хорошо выйдет: один щепотку пороху даст, другой пистоны даст, третий совет даст. Хорошо Владимир сделал, совсем хорошо!

И запел Долбонэ песню:

Темный был Долбонэ, злой —

Владимир в тайгу ум принес.

Теперь в тайге светло.

Где же Владимир жил?

... описана в 1931 г. в Западной Сибири.

КАК ФЕДОСЬЯ НИКИТИШНА У ЛЕНИНА БЫЛА

У нас папаша был кровельщик, работал в Смольнсм, да перед самой революцией и скончался. Так что и жалованье недополучено осталось. Временное правительство явилось, мамаша пошла относительно денег, воротилась со стыдом. Только и спросили:

— А ты, бабка, видала, как лягушки скачут?

Зима нас прижала, мамаша говорит:

— Все Ленина хвалят теперь, не сбродить ли мне в Смольной-то.

Какое-то утро встаем — нету старухи. Думаем — у обедни, а она это в Смольной угребла... И подумайте-ка! Ползала, ползала там по кабинетам да на Владимира Ильича и нарвалась... Пишет он, запивает конфету холодным чаем...

Она нисколько не подумала, что это он сам — тогда портретов-то мало было, — и спрашивает:

— Вы, сударь, на какой главы: на письме или на разборе.

Он рассмехнулся:

— Как придется, сударыня. Вам на что?

— Меня люди к Ленину натакали, ко Владимиру Ильичу. Говорят, твое дело, Федосья Никитишна, изо всех начальников один Ленин может распутать... А я гляжу на вас, как быстро пишете, и думаю: экой господин многограмотный! — уж, верно, не из последних начальников... Где мне Ленина искать; не войдете ли в мое положение?

Преспокойно уселась да вкратце и доложила.

Глаза у его таки веселые сделались, расхохотывает:

— Верно, Федосья Никитишна... без Ленина обойдемся.

Вызвал сотрудника, выметку из книжечки дал:

— Товарищ, срочно оборудуйте Федосье Никитишне ее дело.

Мамаша домой приходит и деньги выкладывает:

— Все начальники в Смольном хороши! и без Ленина дело сделали.

А через месяц приносит с рынка фотографическую карточку:

— Вот купила начальника, с которым в кабинете-то сидела.

Мы взглянули, да и ахнули:

— Мамаша, да ведь это Ленин и был!

Записано в 1928 г. на Северной железной дороге.

ПУГОВКА

К нам на завод приезжает Ленин. Мне кричат:

— Наторова, ты примешь пальто!

В клубе жарко. Ленин стал говорить, скинул пальто на стул. Я схватила — да в гардеробную. Вижу, у левой полы средней пуговицы нет. Я от своей жакетки оторвала пуговицу да на ленинское пальто и пришила толстым номером, чтобы надолго. Он уехал, не заметил. А пуговка немножко не такая. И так мне это лестно, а никому не открываю свой секрет.

Тут порядочно времени прошло. Иду по Литейному, а в фотографии „Феникс“, в окне, портрет увеличенный Ленина. Пальто на нем то самое. Я пристальней вглядываюсь, а пуговка-то та самая — моя пуговка.

Он в эту же зиму и умер. Я достала в фотографии на Литейном заветный портрет.

Он у меня около зеркала в раме теперь.

Каждый день подойду, посмотрю да поплачу.

А пуговка-то моя пришита...

Записано в 1927 г. в г. Архангельске (со слов домохозяйки Наторовой).

Л. Квитко

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, моя мама, баюшки-бай,

Спи, засыпай, спи, засыпай...

Тебе расскажу я немало чудес,

Как сын твой однажды отправился в лес;

Отправился в лес, чтоб сосну повалить,

И выдолбить лодку, и в море уплыть,—

Сразиться с акулою злою,

За рыбкой нырнуть золотою.

Но только я в чащу лесную вошел,

И дерево выбрал, и ствол расколол,

Как заяц присел у замшелого пня,

Ушами повел, закричал на меня:

— Что губишь мой лес? Уходи-ка!

Не видишь — я здешний владыка!

— А ну-ка, зайчишка-трусишка, вставай!

А ну-ка, попробуем силы давай!

Тут зайчик прижал свои ушки

И ну удирать по опушке.

Опять я склонился к зеленой сосне.
Вдруг вижу, лисица подходит ко мне.
— Ты нежный,— сказала,— ты гладкий,
Ты вкусный,— сказала,— ты сладкий!

— А ну-ка, лисичка-сестричка, вставай!
А ну-ка, попробуем силы давай!
Лисичка свой хвостик поджала
И в лес поскорей убежала.

Опять я склонился к зеленой сосне.
Вдруг серые волки подкрались ко мне.
Раскрыли клыкастые пасти —
Вот-вот растерзают на части!
Не мог шелохнуться от ужаса я...
— Мамочка, мама, голубка моя!

Но Сталин узнал, что в лесу я стою,
Разведаль, услышал про гибель мою.
И танк высылают за мною,
И мчусь я дорогой лесною.

Ты, дорогая, не спи, погоди!
Самое страшное — все впереди...
Тебе расскажу я, как в лодке один
По океану плавал твой сын.
Как плавал и как опускался на дно,
Чтоб видеть — покрыто ль цветами оно,
Чтоб рыбку поймать золотую,
Акулу увидеть живую.

Но только рассек я морскую волну
И рыбку поймал золотую одну,
Как выскочил рак и задвигал клешней,
И стал разговаривать дерзко со мной:
— Прощайся-ка с жизнью, дружище,
Ты мне подходящая пища!
— А ну-ка, попробуем силы давай!
Тут рак отмахнулся клешнею
И скрылся за синей волною.

Вдруг вижу, вода закипает — кипит,
И трется об лодку громадина-кит
И рывкает:— Скучно мне что-то!
С тобой побороться охота!

— А ну-ка, китина-детина, вставай!
А ну-ка, попробуем силы давай!

Но кит повернулся спиною
И тоже пропал под волною.

А ветер крепчает, а волны встают,
И лодку качают, и плыть не дают,
И молнии на небе блещут,
И брызги соленые хлещут.
И падаю в бездну холодную я...
— Мамочка, мама, голубка моя!

Но Сталин услышал, что плыть мне невмочь,
Что буря меня окружает и ночь,
И выслал за мною в ночной океан
Веселую птицу — большой гидроплан.
И снизилась птица со мною
Перед кремлевской стеною.
— Мамочка, мама, голубка моя!

Настежь открылись ворота Кремля.
Кто-то выходит из этих ворот,
Кто-то меня осторожно берет,
И подымает, как папа, меня,
И обнимает, как папа, меня,
И сразу мне весело стало!
...А кто это был?
Угадала?

Г. Рыклин

НУ И МОЛОДЕЖЬ!

Извините, пожалуйста, что я надоедаю вам своими личными, можно сказать, семейными делами. Ну, видите ли, имеются большие волнения в моей жизни. Я должен с кем-нибудь поделиться. Уж не обижайтесь на старика и выслушайте меня со всей чуткостью, присущей вам, мои молодые друзья. Я, знаете ли, люблю беседовать с людьми, чья голова еще не украсилась мурой лысиной.

Я хочу вам пожаловаться на своих детей. На Борьку и на Клаву. Сам я — учитель. Ничего особенного. Вотуже лет тридцать, как преподаю в школе арифметику для малышей. Свое дело я знаю. Работа очень спокойная. Пятью пять двадцать пять. Семью семь сорок девять. Ловко придумано. Так у нас, так и за границей. При любом правительстве пять минус пять — ноль.

Так мне раньше казалось. Так оно будто бы со стороны выглядит. А на самом деле не так. При советской власти цифры как будто стали какие-то другие. Пять минус пять —

ноль! Однако ведь вопрос в том, кому дают пять, а кому минус пять.

Но не в этом дело.

Я вам не назову своей фамилии. Не потому, что я ее стыжусь или собираюсь менять. Фамилия у меня всю жизнь была негромкая. По совести, не Бетховен или, скажем, Генрих Гейне. Но с недавних пор фамилия моя стала очень беспокойная. Как только ее назову — сейчас же гром аплодисментов. „Ура!“ Прямо деваться некуда. Начинаются крики: „Это — отец Бориса и Клавдии таких-то“. Скажите, пожалуйста, какая важность. Да, новые времена. Когда-то люди вешали в своих квартирах портреты предков. А теперь наши квартиры мы украшаем портретами потомков. Когда-то говорили: „Вы знаете, кто это такой? Это — сын генерал-губернатора, это племянник банкира“. А теперь: „Это, знаете, кто? Это отец Каманина, это — мать Марии Демченко, это — бабушка Стаханова“. Более того. Когда-то говорили: „Вот идет жена писателя Тургенева, вот едет жена министра финансов“. Теперь же слышишь: „Это — муж Паши Ангелиной. Это — муж знаменитой ткачихи такой-то“. Все перевернулось, честное слово. Поэтому, чтобы не было лишнего шума, я и не называю своей фамилии. Ну, ее!

Но не в этом дело.

Итак, я хочу вам пожаловаться на своих детей. На Борьку и на Клаву. Начнем с Клавы. У нее есть подруга Марина. Так эта самая Марина не может ни минуты посидеть спокойно на месте. Ей не сидится с нами на земле. Она почти все свое свободное время там... где-то возле звезд. На небе. Летает. И прыгает. Подымается чорт знает куда, где не только человек, но и птица никогда не бывала. Потом прыгнет оттуда и, как ни в чем не бывало, идет в кино.

Но не в этом дело.

Дочка моя Клава не занималась прыжками. Я ей был за это очень благодарен. У нас в роду никто не летал, не прыгал, жили тихо. Клава работает на заводе, в лаборатории. Она у меня химичка. Все было благополучно. Вот только сын Борька волновал меня. Опустился парень, можно сказать, на самое дно. Он, видите ли, водолаз, эпроновец. Не думайте, что я боюсь воды. Но все в меру. Окунусь два-три раза — и на берег, вытираюсь полотенцем. И то летом, если очень жарко. А этот Борька целыми днями гуляет по дну морскому. Я ему сколько раз твердил: „Борька, перестань мокнуть в холодной воде. Избери себе более сухую профессию“. А он смотрит на меня и смеется. Если бы вы посмотрели, как он хорошо смеется! Вы не знаете, отчего это наши дети теперь так хорошо смеются? А?

Но не в этом дело.

Вернемся к Клаве. Раз сижу я дома, пью чай и просматриваю тетради. Вдруг врывается в комнату очень странный мо-

лодой человек. Нето мексиканец, нето уругваец. Штаны до колен и в большую клетку. Страшные штаны! Огромная фуражка, но козырек пришит не спереди, а сзади. Какие-то необычайные ботинки. И вдобавок ко всему этот полудиккий незнакомец вооружен с ног до головы. Какие-то ремни, кобуры, сумки. Смотрю на него, разинув рот от изумления. Вдруг этот самый мексиканец говорит мне на чистом русском языке: „Разрешите представиться, кинооператор Альберт Чижи-Пыжиков. Вы будете отец знатной химички Клавдии такой-то? Разрешите вас заснять“. И тут он начинает меня крутить и мучить. То я должен улыбаться — это значит я радуюсь успехам дочери. То я должен сделать грустное лицо — это значит печаль по своей собственной загубленной молодости.

Но не в этом дело.

Приходит Клава домой, и тут я узнаю большую новость. Клава сделала какое-то большое научное открытие. Она стала героиней. А я, между прочим, стал отцом героини. В газетах портрет Клавы и биография. Ей шлют поздравления. Ее премируют. Пожалуйста, я не против. По совести сказать, я даже рад. Лишь бы не летала и не прыгала. Но не в этом дело.

Слушайте дальше. Однажды в выходной день забегают ко мне в комнату Маринка и Клава. Тащат меня на аэродром. Там, говорят, будут сегодня интересные прыжки. Пошел. Только с Маринкой я условился, чтобы она при мне не прыгала. Все-таки близкая подруга дочери, почти свой человек. А у меня сердце слабос — я не могу смотреть, когда даже с передней площадки трамвая прыгает какой-нибудь знакомый или родственник.

Но не в этом дело.

Стою на аэродроме и смотрю, как самолет подымается ввысь. Прекрасное зрелище! Мое стариковское сердце билось от радости за крылатых людей, за летающую молодежь. Обернулся — вижу, Клавы нет подле меня. И Маринка мне говорит: „Она сейчас подойдет. Увидала заводских знакомых и пошла с ними“. Но тут уж, видите ли, не до Клавы. Люди начали прыгать с аэропланов. Что тут делается! Вдруг Маринка хватается за руку и кричит не своим голосом: „Бежим!“ Хорошо ей говорить — „бежим“. Это я должен бежать. Что я ей — братья Знаменские? Она меня тащит за руку, а я еле поспеваю.

Но не в этом дело.

Прибегаем на какую-то полянку. Смотрю, кто-то сверху летит. А Марина мне объясняет: „Это одна девушка прыгнула с парашютом. Замечательная девушка!“ Я не спорю. Пускай будет замечательная. А стою я и думаю только об одном: „Если у этой замечательной попрыгуньи имеется отец, то я ему не завидую“. Не успел я это подумать, как эта самая девушка уже на земле и бежит прямо к нам. Я посматрел на нее, и мне стало холодно. Когда я пришел в себя, я, конечно,

раскричался: „Кто тебе разрешил шлаться с утра где то в облаках?“ Смеется Они же умеют хорошо смеяться. А я опять кричу: „Ты же химичка, зачем тебе, Клава, надо еще прыгать?“ Отвечает: „Родине нужны и хорошие химики и хорошие парашютисты“. Меня агитацией не возьмешь. Я продолжаю сердиться... А все-таки здорово, чертовка, прыгнула!

Но не в этом дело.

А дело в том, что теперь я не имею ни одного спокойного дня. Четырежды четыре шестнадцать. Шестью шесть тридцать шесть. Все это, конечно, правильно. Но в голову лезут другие цифры: прыжок с высоты тысячи метров, затыжной с высоты двух тысяч пятисот метров. Голова моя уже не в таблице умножения, а где-то там, в небесных просторах. Клава приходит домой, я ее спрашиваю: „Ты откуда пришла — из лаборатории или с луны?“ Теперь, оказывается, это я узнал из газеты, она хочет побить какой-то рекорд затыжного прыжка. Вам легко об этом читать в газете. Но я же отец. Я же отвечаю за Клаву. И вот я день и ночь волнуюсь: побьет или не побьет? Но все-таки я верю в свою дочь: она лицом в грязь не ударит. Она побьет рекорд, моя Клава!

Но не в этом дело.

Приехал на-днях мой водолаз Борька. „Что,— спрашиваю,— ты все еще мокнешь в воде?“ Смеется. Пусть смеется. Но, слушайте, какую штуку сыграли со мной мои дети. Уговорили-таки старика. Уговорили меня, чтобы я поднялся на самолете. Я пошел с Клавой на аэродром. Борька с нами не пошел — некогда, говорит. Усадила меня Клава в самолет, что-то загудело, зашумело. Если вы не были там, наверху, вы еще не знаете, как прекрасна Москва! Думал я раньше, что будет страшно. Но смотрю я на спину летчика, на его руки — и я спокоен. Какая-то твердость в его руках, уверенность. Молодец парень!

Но не в этом дело.

Смотрю я на летчика и думаю: „А все-таки тревожная работа. Хорошо, что Борька водолаз. Хорошо, что хотя он в нашей семье не летает. Клава летает, и вот я уже тоже качал. Пусть хоть один не летает“... „Спускаемся на землю. Откровенно говоря, мне стало грустно. Шестой десяток пошел, а я только один раз полетал. Выхожу из кабины и думаю: „Надо поблагодарить летчика“. Подхожу к нему. Смотрит на меня и смеется. Подымает шлем и очки и... Мне опять стало холодно. „Как тебе не стыдно, Борька! — кричу я. — Кто же будет на дне морском?“ „А я,— говорит,— справлюсь там и тут. Родине,— говорит,— нужны летчики“. Хочу кричать, сердиться, но не могу. Борька смеется. Клава смеется. И я смеюсь. Уж больно хорошо они смеются — в этом все дело!

О СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

...Песнь моя — ты лети по аулам.
Слушайте, степи, акына Джамбула.
Маленький след дорогу рождает,
Море из родника вырастает,
Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.
От жизни счастливой рождаются дети —
Самые радостные на свете.
За ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней.
Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Слушайте, Кастек, Каскален, Каракол,
Я славлю великий советский закон.
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце пост,
Закон, по которому юность цветет.
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.
Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта.
Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.
Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы.
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.
Пойте, акыны, пусть песни полюбятся,
Пойте о Сталинской Конституции.
С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,
С песней о родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей.
Заботой согрел миллионы сердец
Сталин — мудрейший, любимый отец.

АЛЕСЯ

На заре куковала
Кукушка в Полесьи.
Мать растила, качала
Дочурку Алесю.

Тьма ложилась ночная,
Сосны глухо шумели.
Напевала родная
У родной колыбели:

— Спи, засни, мой цветочек,—
Пташки все позаснули.
Спи, веселый звоночек,
Люли-люленьки-люли.

Спи, расти без тревоги,
Спи, накапливай силы.
На свои встанешь ноги,—
Будешь девкой красивой.

Будешь зимней порою
Прясть — наматывать нитки,
Будешь теплой весною
Счастья ждать у калитки...

На заре куковала
Кукушка в Полесьи.
Только мать не узнала,
Что станет с Алесей.

Это была или не была.—
Дочка силы набралась,
Прямо в синее небо
Полетела — помчалась.

Понеслась на машине,
Пронеслась на крылатой
По счастливой краине,
Над родимую хатой.

Миновала дубравы
И речные затоны,
Опустилась на травы
С парашютом зеленым.

И опять над полями
Поднимается выше,
И стальными крылами
Тучи в небе колышет.

Что ни день — в поднебесье
Смотрит мать из окна:
Не видать ли Алеси
Возле ясного солнца.

На заре куковала
Кукушка над нивой...
Мать не зря тосковала
О доле счастливой.

Перевод с белорусского
М. Исаковского

Н. Куштур

АННУШКА

Вышивала Аннушка
Шелковый платок,
Посылала Аннушка
Письма на лоток,
Тосковала Аннушка,
Ночи не спала
С первым снегом Аннушка
Много ждала.

Где-то там Амурская
Плещется волна,
Где-то там Манчжурская
Злая сторона.
Что-то с милым сталося?
Вот уже зима.
Долго дожидалась
Аннушка письма.

Льды, о берег грохая,
Тронулись с утра,
На землю просящую
Вышли трактора.

В поле, в поднебесьи ли
Песни тут и там.
Только ей невесело,
В сердце пустота.

Что с тобою, Аннушка,
Почему молчишь?
Что с тобою, Аннушка,
Отчего грустишь?
Ты ли это, Аннушка —
Птичий голосок?

Слезы прячет Аннушка,
Смотрит на Восток.

Разными узорами
Вышита земля,
Утренними зорями
Радуют поля.

Птицы оперяются,
Лес листвою одет,
Травы поднимаются —
А письма все нет.

Но под вечер Аннушка
Места не найдет,
Ждать как будто нечего,
Ну, а сердце ждет.

Словно речкой огненной
Залит небосклон,
Смотрит, едет на поле
Сельский почтальон.

Он кричит и машет ей
Издали письмом.
Кинулась тут Аннушка
С поля напрямиком.

Почтальон навстречу ей
И, заметно, рад.
Подскочила Аннушка
И с письмом назад.

Всполошились девушки.
Машут ей рукой,
Тут вспорхнула песенка
Птичкой над рекой.

Ой, запела Аннушка —
Птичий голосок
Ой, запела Ачнушка —
Зашумел лесок.
Зазвенела Аннушка
Ключевой водой.
Так рассталась Аннушка
С горькою бедой.

А на утро Аннушка
Сборы начала,
Собралось на проводы
Чуть не пол-села.

Остается милый
На Востоке жить —
Есть где там народные
Руки приложить.

Чернозем лоснится там —
Вот где будет рожь.
Зверя, рыбы, птицы ли
Просто не сочтешь.

Время ли раздумывать,
Место ли речам —
Ждет к себе он Аннушку
И зовет сельчан.

Оглушен гармоникой,
Вздрагивал вокзал.
На прощанье Аннушке
Старичок сказал:

„До свиданья, Аннушка,
Что ж, счастливый путь!
До свиданья, Аннушка,
Нас не позабудь.“

От тебя мы, Аннушка,
Скорых ждем вестей,
А зимою, Аннушка,
Ожидай гостей“.

Поезд тихо тронулся
Прямо на восток,
Свистнул на прощанье
И ушел в лесок.

Укатила Аннушка
Рано-поутру,
Укатила Аннушка —
Ленты на ветру.

В сторону далекую,
В край привольный тот,
Где земля богатая
Тружеников ждет.

Станет новой родиной
Аннушке восток.
До свиданья, Аннушка —
Птичий голосок!

НАШЕ ВРЕМЯ

Перевод с армянского

Из дома в дом Шушан в былое время шла,—
Она и пекарем и прачкою была.

Ох, время, время,
Злое время!

Сироток помним мы, лишенных очага,
Голодных малышей, раздетых донага.

Ах, время, время,
Горе-время!

На помощь беднякам советов власть пришла.
Шушан пошла на сбор и руку подняла.

Ай, время, время,
Бедных время!

И председателем теперь у нас Шушан,
Как сокол храбрая, друзей не даст в обман.

Эй, время, время,
Солнце-время!

Ни сел, ни городов не видела Шушан,
Теперь катается в Тбилиси, в Ереван.

Вот это время!
Чудо-время!

Ходила прачкою Шушан из дома в дом,
А нынче мы ее в Москву на съезд пошлем!

Гей, время, время,
Наше время!

Записано со слов А. Гарибяна в с. Кахси,
Ахтинского района, Армянской ССР.

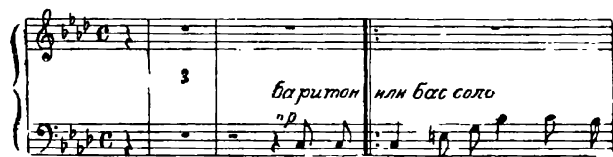
МАРШ ТРАКТОРИСТОВ

(из фильма „Богатая невеста“)*

Текст В. Лебедева-Кумача

Музыка И. Дунаевского

Темп умеренного марша

.. ОН. ВЫ КО. ЛН, ВЫ КО. НН.СТА.ЛЬ.

*) При исполнении смешанным хором запевка остается за мужскими голосами, а хоровая часть песни исполняется всеми, причем женские голоса дублируют 1-го и 2-го тенора.

Хор

ра, ве. се. ло. е. гу. дн. те, род. ны. е, - нам в по.

Притив
тр

ход от. прав. лять. ся по. ра. Мы с чу. дес. ным ко. нем все по.

ля о. бой. дем, со. ве. рем и по. се. ем и

всла. шем. На. ша по. ступь твер. да, и вра. гу ни. ког. да не гу.

Для повторения *Для окончаний*

лять по рес. луб. ли. нам на. шим! на. шим!

2. У. ро.

1. Ой, вы кони, вы кони стальные,
Боевые друзья — трактора,
Веселее гудите, родные, —
Нам в поход отправляться пора! } 2 раза

Припев:

Мы с чудесным конем
Все поля обойдем, —
Соберем и посеем, и вспашем.
Наша поступь тверда,
И врагу никогда
Не гулять по республикам нашим!

2. Урожайный сгибается колос,
И пшеница стеною встает,
И подруги серебряный голос } 2 раза
Нашу звонкую песню поет.

Припев:

3. Наша сила везде поспевает,
И, когда запоем молодежь, —
Вся пшеница кругом подпевает, } 2 раза
Подпевает высокая рожь!

Припев:

4. Подымайся ты, пыль золотая,
Улетай в голубые края!
Ой ты, радость моя молодая, — } 2 раза
Молодая подруга моя!

Припев:

5. Ой, вы кони, могучие кони,
Ой, вы кони — стальные бока!
Мы за счастьем поедem в погоню, } 2 раза
Мы любого осилим врага!

Припев:

6. Ну-ка, враг, ты нас лучше не трогай,
Не балуйся у наших ворот,
А нето встанет грозный и строгий } 2 раза
Наш хозяин — советский народ!

Припев.

МИША КОРОЛЬКОВ

В синем море, на просторе,
Ходят волны круглый год.
День и ночь, с волнами споря,
Шел советский пароход.
Капитан — старик усатый,
Молодые моряки.
В темном трюме груз богатый:
Бочки, ящики, тюки.
Пароход винтами крутит
Далеко от берегов.
В чистой маленькой каюте
Едет Миша Корольков.
Миша слушает, не спит:
Это — палуба скрипит,
Это — сильные машины
С непогодой спор ведут.
Проводила мама сына.
Мама — там,
А Миша — тут.
Мама ночи не спала —
Шила, штопала, пекла,
Собрала и уложила,
Ничего не позабыла
И на пристань привела.
И сказала: „Вот сынишка.
Довезите. Добрый путь!“
Капитан сказал: „Парнишку
Довезем уж как-нибудь!“
Мама вынула платок —
До свидания, сынок!
Пароход увозит Мишу
В славный порт Владивосток.

В небе — ветер гонит тучи,
В небе — молния и гром.
С каждым часом волны круче,
Вот одна идет, как дом,
А за ней уже другая
Из морских глубин встает,
Как игрушку, поднимая
Как игрушку, опуская
Настоящий пароход.
И по палубе широкой
Не пройти, не проползти —
Там волной, как дом, высокой

Все смывается в пути.
И в столовой, и в гостиной
Перекошены картины,
Чай не держится в стакане,
И обед не лезет в рот.
Где-то в Тихом океане
Так и носит пароход.
Миша слушает, не спит:
Это — палуба скрипит,
Что-то стонет под ногами,
Что-то воет, как в трубе.
Миша думает о маме
И немножко о себе.
Мише кажется, как будто
Ходят стены, ходит пол.
Дверь открылась, и в каюту
С фонарем моряк вошел.
Одеяло сдернул с Миши:
„Одевайся и не трусь!“
Отвечает Миша: „Слышу,
Одеваюсь, не боюсь!“
Вот как будто все готово,
Красный галстук лег на грудь.
Капитан сказал сурово:
„Застегнуться не забудь!“
Миша думает: „Беда!
Пропадем! Бежать? Куда?“
Капитан сказал: „Спокойно!
Все в порядке. Ерунда.
Мы нигде не пропадали —
Хуже в штормы попадали!“

С каждым часом волны ниже,
Ветер тише, дальше гром.
С каждым часом берег ближе,
Различаемый с трудом.
Над притихшею водой
Светит месяц молодой.
Капитан, как видно, очень
Чем-то важным озабочен.
Капитан стоит с биноклем
И тревожно вдаль глядит —
Все устали, все промокли,
Что-то будет впереди?
Мы спаслись от непогоды,

Мы вошли в чужие воды,
Мы должны к земле пристать,
У земли на якорь встать.
Неужели в эту ночь
Нам откажутся помочь?
Пароход в залив заходит.
Где-то слышен лай собак.
На советском пароходе
Шелестит советский флаг.
Мише сразу стало страшно —
Здесь японская вода,
Здесь чужие, здесь не наши
Люди, горы, города.

На советском пароходе
Под ружьем чужой отряд.
По каютам люди ходят,
По-японски говорят.
В трюме, шелкая замками,
Отпирают сундуки.
Там японскими штыками
Рвут советские тюки,
Бочки, ящики вскрывают —
Документы проверяют.
Весь как сморщенная слива
И на все на свете зол,
Сам полковник Куросиво
Составляет протокол.
Моряки стоят суровы
Перед новою бедой.
Рядом с Мишей Корольковым
Капитан — моряк седой.
Куросиво губы вытер,
Подбородок почесал.
„Здесь по-русски подпишите!“
Капитан
Не подписал...
Миша слушает, молчит,
Сердце мишино стучит.
Под тужуркою у Миши
Красный галстук на груди.
Сердце тише, тише, тише.
Что-то будет впереди?
Вот его к столу подводят,
И еще издалека
Куросиво глаз не сводит
С пионерского значка.
„Что за птица?“

„Я отличник!“
„Что такое? Кто отец?“
„На заставе пограничник,
Красной армии боец!“
Два жандарма пошатнулись,
Два других переглянулись,
Куросиво побелел,
Встал со стула, снова сел.
„Снять с щенка проклятый гал-
стук!“

Руки за спину ему!“
Пионер не испугался:
„Красный галстук — не сниму!“
Два жандарма пошатнулись,
Два других переглянулись,
Куросиво приподнялся,
Спотыкнулся сгоряча.
И сорвали с Миши галстук
Два жандарма-силача.

В облаках чужое солнце.
За тюрьмой сады цветут.
Два солдата — два японца
Мишу по двору ведут.
Скрип ступенек. Лязг затворов.
Визг несмазанной петли.
Провели по коридору,
Молча в комнату ввели,
По команде подтянулись,
Повернулись, вышли вон...
Офицер сидит на стуле,
Справа, слева — телефон.
Он сидит, похож на краба,
Полицейский чин из штаба,
И за стеклами очков
Что-то вроде червячков.
Он встает навстречу Мише,
Даже Миша ростом выше.
„Здравствуй, Миша Корольков
Из страны большевиков!“
Смотрит хитрыми глазами.
За стеной солдаты ждут.
Миша вспомнил вдруг о маме:
Мама — там,
А Миша — тут.
Там — родные лес и горы,
Над поселком воздух чист.
Здесь — опущенные шторы,

И стоит живой фашист.
„Нам известно: ты — отличник,
А отец твой — пограничник.
В гости ехал ты к нему,
А приехал к нам в тюрьму.
Если будем мы друзьями,
Если будешь молодцом,
Ты опять вернешься к маме,
Снова встретишься с отцом!“
Миша думает: „Беда!
Пропаду. Бежать? Куда?“
Миша шепчет: „Все в порядке!
Не заплачу. Ерунда.
Мы нигде не пропадали,
Хуже в штормы попадали!“
Начинается допрос.
„Отвечайте на вопрос:
Ты живешь на Сахалине,
На советской половине,
Сколько вас учеников
Ворошиловских стрелков?“
Мише хочется молчать.
Миша должен отвечать.
„Шестью восемь — сорок во-
семь,
Пятью девять — сорок пять,
Умножаем, переносим —
Невозможно сосчитать!“ —
„Если каждый пионер
Кончит школу, например,
Кем захочет мальчик быть?“
Миша быстро отвечает:
„В Красной армии служить!“
Офицер нагнулся к Мише,
Прямо в ухо Мише дышит:
„За хорошие ответы
В правом ящике стола
Приготовлены конфеты —
Шоколад и пастила.
За такие же, как эти,
Принесут ремни и плети“.
Продолжается допрос.
„Отвечайте на вопрос:
Если ночью месяц в тучах
И дороги не найти,
По какой тропинке лучше
К пограничникам пройти?“
Миша знает: это — тайна,

Не подкупите его!
Ни нарочно, ни случайно.
Он не скажет ничего!
Офицер со стула встал —
Он допрашивать устал,
Он звонит, зовет солдат,
Сам съедает шоколад.
„Мы под розгами заставим
Пионера дать ответ!“
„Не скажу пути к заставе.
Нет! Нет! Нет!“

Мыши возятся в содоме,
Дверь какая-то скрипит,
Далеко в знакомом доме
Мама бедная не спит.
На далеком Сахалине
Мама думает о сыне:
Где он? Что с ним? Отчего
Нету писем от него?
Рыбаки выходят в море,
Ветер гонит рыбаков,
На посту стоит в дзоре
Пограничник Корольков.
Звезды ярче. Месяц выше:
Где он? Что с ним? Почему
Не приехал сын к нему?
В этот час по коридору
Мишу за руки вели.
Глухо щелкнули затворы,
Мишу бросили. Ушли.
Сухо в грязном кувшине,
Нет ни капельки на дне.
В паутине дверь и стены,
Под ногами пол, как лед...
„Кто спасет меня из плена?
Кто домой меня вернет?“

Отдыхают мостовые.
И трамваи не звенят.
Тихой ночью постовые
Наш ночной покой хранят.
Под Москвой у самолетов
На посту стоит боец.
Вот — кремлевские ворота,
За воротами дворец.
На столе вода в графине,
Лампы светлые горят.

О далеком Сахалине
Здесь сегодня говорят.
О советском пароходе
О команде моряков
И о том, что на свободе,
Будет Миша Корольков.
Не случится с ним несчастья,
Пионер домой придет,
На глазах советской власти
Человек не пропадет!
В небе звезды меркнуть стали,
На дворе светло, как днем.
Говорит спокойно Сталин:
„Всех товарищей вернем!“

Дует ветер, сушит сети
На песчаном берегу.
Дровосеки на рассвете
Пробиваются в тайгу.
Чайки носятся над пеной
Голубых соленых вод.
Возвращается из плена
Наш советский пароход.
В чисто убранной каюте
Тихо тикают часы.
Пароход винтами крутит.
Капитан за чаем шутит,
Улыбается в усы.
Боцман шуткой отвечает,
Боцман радио включает.
Миша думает: „Живу!
И на родину плыву!“

Сердце тише, тише, тише —
Миша слушает Москву.
С каждым часом ближе, ближе
Славный порт Владивосток.
Там прибой волнами лижет
Золотой морской песок.
Оттопыривая губы,
В трубы дуют трубачи.
В золотых от солнца трубах
Отражаются лучи.
Город флагами украшен —
Моряки вернулись наши.
Прямо в порт валит народ
Посмотреть на пароход.
Все в порядке. Все здоровы.
Все приехали домой!
Рядом с Мишей Корольковым
Капитан стоит седой.
Миша сходит вниз по трапу,
Видит маму, видит папу.
Миша видит: мама плачет,
Не стесняясь никого.
Миша знает: это значит —
Мама рада за него.
Вид у папы боевой,
Сразу видно — часовой.
А кругом — родные горы,
Сопки, реки и поля.
Здравствуй, наш советский го-

род

И советская земля!

ДОРОЖЕНЬКА

В чистом полюшке дороженька видна,
Вся проторена до желтого песка.
Жизнь хорошая, как солнышко, ясна, —
Не вернутся к нам ни горе, ни тоска.
По-над речкой расстилается туман,
Росы чистые упали на траву.
Я надену свой бордовый сарафан,
Я малины-красной ягоды нарезу.
Молодая да веселая пройдуся.
Не вернется к нам ни горе, ни беда.
Я своей работой-славой горжусь:
Я ударница колхозного труда.

В чистом полюшке дороженька легла,
 Словно светлая, большая полоса,
 Рассветлым - светла дороженька, светла,
 И ведет она к победам-чудесам.
 Кто колхозную дорогу проложил,
 Кто колхозную дорогу проторил?
 Это Ленин нам дорожку проложил,
 Это Сталин нам дорожку проторил.
 Мы на светлой на дороженьке стоим,
 Мы за счастье и за жизнь благодарим.
 Словно зелень после первого дождя,
 Мы растем и продвигаемся вперед.
 И за это для великого вождя
 Наша слава, наши песни, наш почет.

Зачисано со слов колхозницы
 Педаген Семеновны в колхозе
 „Гочино“, Шурминского района,
 Кировской области

ЧАСТУШКИ

Как от сильного дождя
 Заблестит проталина.
 Крепко любим мы вождя—
 Дорогого Сталина.

Мой милый в Москву попал,
 Ему Сталин руку жал—
 Это значит, у милака
 Работящая рука.

На Уралмашинострой
 Катилась вагонетка,
 Будем дружно выполнять
 Третью пятилетку.

В Богословск я уезжаю,
 Попрощаюсь с отцом.
 Я на шахте—комсомолец,
 Не ударю в грязь лицом.

Возьму на руку пальто,
 Любят девушки за то -
 Мы шахтеры молодые,
 А работаем на сто.

Во саду ли, в огороде
 Вырос аленький цветок—

У меня миленок первый
 Ворошиловский стрелок.

Ты прощай, прощай, забой,
 Расстаюся я с тобой.
 Здесь товарища оставляю,
 Сам пойду с врагами в бой.

Мне ночами часто снится,
 Как расстались на мосту.
 Ты уехал на границу,
 Я в колхозе на посту.

Наточу свою литовочку
 И выйду на луга,
 Скоро мне дадут винтовочку—
 Защиту от врага.

Я любила собирать
 Черную черемуху,
 Буду в армии стрелять
 По врагам без промаху.

Запрягай, отец, коня,
 Провожай, отец, меня—
 На границу уезжаю
 Я на линию огня.

Мой миленок на границу
Осенью отправился.
От кого бы мне узнать—
Как он с делом справился?

Наш любимый Ворошилов—
Славный красный командир.
Мы земли врагам народа
И вершка не отдадим.

Паровоз пары пускает,
Машинист дает свисток—
В Красну армию миленок
Уезжает на Восток.

Зря японские микады
Нас запугивают так.
Трактористы, если надо,
Пересядут и на танк.

Дайте новую винтовочку,
Патронов двадцать пять,
Я Советскую республику
Поеду защищать.

Над колхозом небо чисто,
Наше поле зелено.
Комсомольцы-трактористы
Носят орден Ленина.

Рожь волнуется на поле,
Урожай получится.
Милый мой в военной школе
В лейтенанты учится.

Уродились хлеба,
Закрома завалены.
Шлем сердечное спасибо
Дорогому Сталину.

Записано в разных районах Свердловской области.

Г. Добržинский

ГОСТЬ

Драматический этюд

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Никанор Степанович — лесничий, 52 лет.

Варвара Петровна — его жена, 48 лет.

Вадим — их сын, 26 лет.

Время действия — весна 1919 года.

Комната в доме лесничего. Стол с чайной посудой и самоваром. Над столом картина с разбитым стеклом. Напротив диван, около него комод. Вечер, постепенно переходящий в ночь. Во время всего действия слышны глухой тревожный шум леса и ритмичные удары волн наката большой реки.

Варвара Петровна перебирает в комод старую одежду. Некоторые вещи откладывает на стул. Достает из ящика комода мундир с кр сными погонами, долго смотрит на него и со вздохом прибавляет мундир к отобранным вещам.

Голос Никанора Степановича (*за окном*). Не грози! не испугаешь!

Варвара Петровна (*подбегает к окну и распахивает его*). Никанор Степанович! Ты уже вернулся?

Никанор Степанович (*появляется перед окном*). Сейчас, Варенька! Я сейчас! (*За сценой гневно*). Еще раз попадешь — пристрелю!

Варвара Петровна. Что там такое? Да иди же сюда! (*Входит Никанор Степанович. Ставит ружье в угол, сбрасывает куртку*.)

Никанор Степанович. Две сосны завалили! Какая наглость! Кричу — пилят! Подхожу — пилят! Вырвал пилу, так они на меня с топорами!

Варвара Петровна (*взволнованно*). Негодяи! Кто они? Откуда?

Никанор Степанович. Здешние. Мишка лавочник да Федька Старостин.

Варвара Петровна. Не может быть! Такие зажиточные, смирные...

Никанор Степанович. Были смирные, пока сельсовет за шиворот держал. Распоясались! Своих почуяли! Так и кричат: „Погоди! Уж Колчак придет, мы тебе башку оторвем!“

Варвара Петровна. Ты, что же, арестовал их?

Никанор Степанович. Попробуй, арестуй, а куда отправлять? Волисполком эвакуировался, милиции с огнем не сыщешь.

Варвара Петровна. Значит, Колчак очень близко?

Никанор Степанович. К самой Волге подходит. На Лысой горе наша батарея, у моста окопы... На реке ни души, рыбаки—и те попрятались. *(Указывая на вещи.)* Это что у тебя?

Варвара Петровна. В село хочу пойти. Мука у нас вышла, картошки нет.

Никанор Степанович. В село? В такое-то время? И не думай! Обойдемся Глухаря подстрелю—вот тебе и обед. *(Подходит к жене и ласково треплет ее по плечу.)* Эх ты, коммерсантка! Убери-ка свое старье, давай чай пить!

Варвара Петровна *(прижимаясь к нему)*. Никанор Степанович!

Никанор Степанович. Что, Варенька?

Варвара Петровна. Истомилась я. Боюсь за тебя. Не ходи больше в лес.

Никанор Степанович *(отстраняясь)*. Ну, это, матушка, извини. Этак весь лес разворуют.

Варвара Петровна. Ну и бог с ним! Тебе-то что?

Никанор Степанович. Как это что? Разве я не лесничий? Пока жив, кустика никому тронуть не дам!

Варвара Петровна *(тихо)*. А если... убьют?

Никанор Степанович. Посмотрим, кто кого. У меня ружье тоже не маком заряжено!

Варвара Петровна. Авдуг и вправду белые нагрянут?

Никанор Степанович *(нервно ходит по комнате)*. Белые? Тогда я весь этот лес собственными руками сожгу! Со всех концов запалю! Получайте, ваше сиятельство, одни горелые пни!

Варвара Петровна. Не понимаю, что граф тебе сделал? Он был такой добрый...

Никанор Степанович. Добрый? Еще бы! Цепную собаку всегда хорошо кормят!

Варвара Петровна. Ника!

Никанор Степанович. А что? Бывало, по целым суткам с седла не слезаешь. Мужик хворостину срубил—к станковому. А его сиятельство вздумает в Париж прокатиться—хлоп—десятин двести отборного заказчика как ветром смело! Хозя-яин! Если бы не революция, этого леса давно бы и в помине не было: весь бы на шампанское да подарки балеринам ушел! *(Останавливается перед женой.)* Это ты коричневое платье решила сменить?

Варвара Петровна. Да.

Никанор Степанович. Мой-то подарок? И на картошку? Не стыдно? *(Указывая на мундир.)* Вот эту ветошь я бы давно выбросил!

Варвара Петровна. Ветошь? Мундир Вадимчика?

Никанор Степанович *(с большой горечью)*. Эх, как я настаивал, чтобы Вадима в лесную школу отдать! Не послушали! А все ты да этот... его сиятельство!..

Варвара Петровна *(печально)*. Разве я Вадиму плохого хотела? Думала, закончит образование, в люди выйдет...

Никанор Степанович *(с горьким сарказмом)*. Ну, вот и вышел в люди! Только в какие? Всю войну в тылу околачивался, шпорами около графской дочки звенел. А потом укатил за границу, — ни вестей, ни писем... А ты тут любишься на эти малиновые погончики... Сохни... Эх!

Варвара Петровна. Никанор Степанович! Ну, зачем? Зачем? *(Плачет.)*

Никанор Степанович *(обнимая ее)*. Прости, Варенька, прости меня, дурака. Это ведь я от тоски. Старенькие мы с тобой и вот... одни.

Варвара Петровна *(принимая к мужу)*. Да... Одни...

Пауза.

Никанор Степанович *(смотрит в окно)*. Темнеет. Вон и сын застал.

Варвара Петровна. Противный. Он в большом доме каждый вечер так ноет. Ты в лесу, а я сижу и слушаю... А потом и сама заплачу.

Никанор Степанович. Нервы у тебя, Варенька, растрепались. Все дома сидишь. Вышла бы, набрала полную грудь воздуха да крикнула так, чтобы эхо по всему лесу раскатилось! Я всегда так от тоски спасаюсь.

Варвара Петровна. Тебе хорошо, у тебя любимое дело. А мне куда идти, на что смотреть? На графский дом с мертвыми окнами? На угрюмые деревья?

Никанор Степанович. Да какие же они угрюмые, Варенька? Весенние, радостные... Солнышком напиваются, с ветром разговаривают. Подойдешь к любой сосне да по стволу ее рукавичкой похлопаешь: расти, матушка, расти! Копи добро настоящему хозяину! И на сердце так легко станет, словно каждая елочка — дочка, каждый дубок — сынок!

Варвара Петровна *(очень тихо)*. Да, у тебя их много, а у меня только один.

Никанор Степанович *(не слушая)*. И графский дом тоже не страшен. Мы его скоро под санаторий... *(Тихий стук в дверь.)* Кто там? Войдите!

Входит Вадим и останавливается у двери. Он в мокрой майке и трусах. За плечами небольшая изящная сумка. Лицо обрамляет густая черная борода, которая отмокла и сидит несколько косо.

Вадим *(хрипло)*. Господин лесничий здесь проживает?

Никанор Степанович *(сухо)*. Что вам угодно?

Варвара Петровна (*пристально вглядывается в лицо Вадима, судорожно хватая мужа за руку и начинает дрожать всем телом*). Ва... Вл... Вадя...

Никанор Степанович (*стремительно вскакивает*). Не может быть!

Вадим (*снимая бороду*). Не узнал, папахен? Ловко! Ха-ха!

Варвара Петровна (*бросается к сыну и хочет обнять его*). Вадичка! Радость моя!

Никанор Степанович (*в свою очередь кидается к сыну*). Вадим! Да как же...

Вадим (*отступая*). Осторожнее! Одну минуту. (*Снимает с плеч сумку и бережно кладет ее на стол*). Все в порядке. Ну, здравствуй, папахен! Здравствуй, мама!

Варвара Петровна (*целует его*). Здравствуй, Вадичка! Как давно... (*С тревогой*). Но ты весь мокрый?!

Вадим (*беспечно*). А я прямо вплавь через Волгу.

Никанор Степанович. Вплавь? В такую бурю?

Варвара Петровна. Ты простудился! Наверное, простудился! (*Кидается к комоду и торопливо выбрасывает оттуда белье и платье*). Переодевайся скорей!

Вадим. Не надо. Я не озяб.

Никанор Степанович (*шутливо подталкивает его к двери*). Не рассуждать! Марш! В угол поставлю!

Вадим (*смеясь*). Ладно, ладно! (*Уходит*.)

Варвара Петровна. Через Волгу! Какой ужас! Мальчик мог утонуть.

Никанор Степанович (*задумчиво*). Да, риск очень большой. И как это все неожиданно, странно...

Варвара Петровна. До сих пор сердце колотится, в себя не приду.

Вадим (*входит*). Ну вот, я и ожил! (*Похлопывая себя по груди*.) И дома, и в тепле, и в папахиной рубашке! Даже не верится! А каких-нибудь пять минут тому назад только одно: волны холодные, пенные... Зашумит, подскочит и с головой... Ух!..

Никанор Степанович. Ну, разве можно так рисковать?

Вадим. Так было нужно.

Никанор Степанович. А почему не на пароходе?

Вадим. Пароходов сейчас нет, папахен.

Никанор Степанович. Из головы вон! Проклятый Колчак все рейсы перепутал! А почему ты лодку не взял?

Вадим (*тихо*). Лодка иногда опаснее шторма.

Никанор Степанович. Что ты сказал?

Вадим. Я говорю, что лодку легко мог заметить неприятель.

Никанор Степанович. Неприятель?

Вадим. Да. Разъезды белых. (*Нетерпеливо*.) Вообще не стоит говорить о таких пустяках. Ветер с того берега, я хороший пловец...

Варвара Петровна. Но ты мог утонуть, Вадичка! Подумай: ты мог утонуть!

Вадим. Не утонул, значит, вопрос исчерпан. *(Вздрагивая.)* Ух, и вода! Ледяная!

Варвара Петровна. Тебя знобит? *(Берет мундир и укрывает им плечи Вадима.)* Закутайся, закутайся хорошенько!

Вадим. Спасибо, мамочка. *(Рассматривает мундир.)* Ба! Старый знакомый!

Варвара Петровна. Узнал?

Вадим. Еще бы! Вот и дырка от моей папирасы.

Никанор Степанович. Варенька! Чайку бы ему сейчас горячего.

Варвара Петровна *(бросаясь к самовару)*. Совсем ошалела от радости! Сейчас подогрею.

Вадим. С чаем, пожалуй, долго. Папахен, у тебя водка есть?

Никанор Степанович. Водка? Не продают, голубчик, давно не продают.

Вадим. Ах да, я и забыл. А это... как его?.. самогон?

Никанор Степанович. Самогон, кажется, делают.

Варвара Петровна. Варят, варят... Мишка лавочник. Только не знаю, почем бутылка. Наверно, дорого, а у нас... *(Смотрит на мужа.)* Как, Никанор Степанович?

Никанор Степанович *(разводя руками)*. Сама знаешь, пятый месяц без жалованья сидим.

Вадим. Денег нет? *(Осторожно расстегивает сумку и достает мешочек.)* Вот, пожалуйста! *(Кладет на стол золотую монету.)* Хватит?

Никанор Степанович. Золото? Откуда у тебя золото?

Варвара Петровна. Так много! Ты, Вадичка, просто буржуй!

Вадим *(недовольно)*. Перестаньте! Папахен, пошли лесника за шнапсом.

Никанор Степанович. Лесники все разбежались... Такое время! *(Берет монету.)* Я сам схожу.

Варвара Петровна. К этому злодею Мишке? Не пушу! Ни за что не пушу *(Берет у мужа монету.)* Лучше я сама сбегаю. *(Направляется к двери.)*

Никанор Степанович *(натягивая куртку)*. Подожди, я хоть до села провожу.

Варвара Петровна *(укоризненно)*. А Вадичку оного оставишь? Я мигом. *(За дверь.)* Никанор Степанович, самовар подогревай!

Никанор Степанович. Сейчас. *(Берет самовар и уходит. Вадим ходит по комнате, рассматривая вещи, и машинально насвистывает какой-то марш.)*

(Возвращаясь). Родное гнездо осматриваешь?

Вадим. Да, смотрю и думаю: кругом борьба, кажется, весь мир перевернулся, а здесь все по-старому, все на прежних местах.

Никанор Степанович *(смеясь)*. Куда уж нам переворачиваться! Староваты мы с Варенькой. Так и живем, как жили, потихонечку да помаленечку...

Вадим. Так... так... папа, здесь на стене лосиные рога были? Где они?

Никанор Степанович. Рога? На муку променяли, голубчик. *(Указывая на картину.)* А это узнаешь?

Вадим. Еще бы не узнать! Сам мячом запустил. Ох, и досталось мне тогда от тебя! Стекло так и не вставили?

Никанор Степанович *(шутливо)*. Попробовал бы я вставить! Варенька бы мне все глаза выцарапала. Каждую спичечку твою бережет. Любит она тебя без памяти.

Вадим. А ты?

Никанор Степанович *(смущенно)*. Я... я... тоже.

Вадим. Ах, папахен, папахен! Хороший ты у меня!

Никанор Степанович. Ну, полно... чего там... *(Вытирает глаза.)* Ты откуда к нам?

Вадим. Собственно говоря, из Парижа. А сейчас из Челябинска.

Никанор Степанович. Из Челябинска? *(Нервно ходит по комнате.)*

Вадим. Да, из Челябинска. Почему это тебя так смущает?

Никанор Степанович. Но ведь там белые?

Вадим. А здесь красные. И, как видишь, я здесь, а не там.

Никанор Степанович. Ты вернулся? Ты порвал с прошлым?

Вадим. С каким прошлым?

Никанор Степанович. Но ведь ты же был у белых?

Вадим. Разве нельзя работать в неприятельском тылу на пользу революции?

Никанор Степанович *(указывая на сумку)*. А это золото?

Вадим. Золото принадлежит не мне.

Никанор Степанович. Не тебе? Кому же?

Вадим. Тебе, папахен.

Никанор Степанович *(изумленно)*. Золото? Мне?

Вадим. Да. Я его получил в Париже от графа. Он просил передать эти деньги тебе за верную охрану его леса.

Никанор Степанович *(вспылив)*. И ты... ты посмел взять? Я вышвырну эти подлые деньги! *(Задыхаясь.)* Я... я... Дай сюда! *(Хватает сумку.)*

Вадим *(удерживая отца)*. Осторожнее!

Никанор Степанович. Почему? Что в этой сумке?

Вадим молчит.

(Ударив кулаком по столу.) Я спрашиваю, что в этой сумке?

Вадим *(пожимая плечами)*. Чего ты кричишь? Ну, разная дорожная мелочь. *(Расстегивая сумку.)* Показать?

Никанор Степанович (*глухо*). Не нужно. Я верю... я хочу тебе верить...

Пауза.

Вадим (*задумчиво*). Да... вещи на прежних местах, а вот ты изменился... и сильно.

Никанор Степанович (*сдерживая гнев*). Разве я прежде был подлецом, продажной шкурой!

Вадим. Разумеется, нет. Но...

Никанор Степанович. Что?

Вадим молчит. Долгая пауза.

Вадим (*тихо*). Папа, я очень виноват перед тобой. Я не учел... Когда я брал эти деньги, я думал только о тебе и о мамочке... о том, как вы голодаете здесь... Но теперь я понял... Прости меня.

Никанор Степанович. Хорошо, мой мальчик. А золото мы завтра же сдадим в государственный банк.

Вадим. Ну, конечно. Республика сейчас так нуждается в средствах. Какой ты прекрасный! Ты настоящий герой! (*Обнимает отца.*)

Никанор Степанович (*прижимая к груди голову сына*). Куда мне, старику... Вот ты... если ты мне сказал правду... если ты действительно работаешь там... каждый день, каждую минуту на волосок от смерти...

Вадим (*беспечно*). От смерти? Помнишь старую офицерскую поговорку: „Жизнь копейка, а смерть индейка“.

Никанор Степанович (*брезгливо*). Кабацкая философия.

Вадим (*ласкаясь к отцу*). Ну, не буду, не буду... Я пошутил. Конечно, это не так, и порою бывает очень тяжело и страшно... Вот и теперь... Знаешь, у меня к тебе большая просьба.

Никанор Степанович. Говори, родной.

Вадим (*шопотом*). Сегодня ночью мне нужно побывать на мосту через Волгу.

Никанор Степанович. На мосту? Зачем?

Вадим. Это входит в круг моих тайных обязанностей. Задание партии. Я должен встретиться там с одним человеком.

Никанор Степанович. Но чем же я могу помочь тебе?

Вадим. Видишь ли, когда я плыл, я потерял пропуск. На мосту сильная охрана, меня могут задержать, а тебя знают все. Проводи меня. Понимаешь? Проводи и уйди. Хорошо?

Никанор Степанович молчит.

Отчего ты не отвечаешь, папа?

Никанор Степанович. Ты мне сказал правду? Всю правду?

Вадим. Даю тебе честное слово! Клянусь жизнью мамы!

Никанор Степанович. Перестань, пожалуйста! (*Задумчиво.*) У тебя когда-то были хорошие, честные глаза. Посмотри мне в лицо.

Вадим (*деланно смеясь*). Чудак ты, папахен!..

Никанор Степанович (*настойчиво*). Посмотри мне в лицо!

Вадим (*продолжая смеяться*). Изволь! (*Смотрит на отца.*) Ну, вот!

Никанор Степанович (*тихо*). Твои глаза лгут, Вадим! Слышишь, лгут!

Вадим стоит молча, отвернувшись.

(*Резко.*) Что в твоей сумке?

Вадим. Опять? Это становится скучным. Я уже сказал: дорожная мелочь.

Никанор Степанович. Покажи!

Вадим (*волнуясь*). Ты меня оскорбляешь! Ты не веришь честному офицерскому слову...

Никанор Степанович. Офицерскому? Так... Я понял... (*Указывая на сумку, резко*) Здесь динамит!

Вадим. Динамит? Ха-ха-ха! Вот уморил!..

Никанор Степанович. Да, динамит. И вы, господин офицер, желаете взорвать мост, чтобы остановить наступление красных.

Вадим. Ты слишком догадлив! (*Сбрасывает мундир и надевает сумку.*) Ну, что ж? Придется рискнуть одному! (*Идет к двери.*)

Никанор Степанович (*загораживая ему дорогу*). Ты не пойдешь!

Вадим (*насмешливо*). Не ты ли меня удержишь?

Никанор Степанович (*берет ружье и становится у двери*). Да, я.

Вадим. Прочь с дороги! (*Привычным движением хватается за правое бедро, но, не найдя там револьвера, опускает голову и задумывается.*)

Пауза.

(*Шагая по комнате.*) Глупо, отец! Романтично и очень старо! Тарас Бульба и Андрий... (*Подходя к отцу.*) Ну-с! Ты дашь мне уйти? (*Никанор Степанович молчит, не спуская глаз с Вадима.*) (*Топнув ногой.*) Убирайтесь от двери, господин красный лесничий!

Никанор Степанович (*взводя курок*). На место, господин белый шпион!

Вадим (*с поддельным хохотом*). Забавно! (*Стремительно бросается к окну и выпрыгивает.*)

Никанор Степанович (*вскидывая ружье*). Стой!

Голос Вадима. Папахен! Адьо!

Никанор Степанович. Вадим! (*Убегает.*)

За сценой выстрел, короткий крик. Пауза. Шум леса и волн. Сильно горбясь, входит Никанор Степанович. Останавливается посредине комнаты и, немощно опираясь на ружье, тупо смотрит на сброшенный Вадимом мундир. Долгая пауза.

Убит...

Варвара Петровна (*быстро входит*). Никанор Степанович, самовар выкипел.

Никанор Степанович (*глухо*). Да... кадетский мундир...

Варвара Петровна. Что ты бормочешь? (*Ставит на стол бутылку.*) Правда, я скоро? (*Оглядывая комнату.*) А где Вадя?

Никанор Степанович (*с трудом выпаривая слова*). Вадим... Вадим... Ушел...

Варвара Петровна (*удивленно*). Ушел? Куда?

Никанор Степанович. Туда... в ночь...

Занавес

А. Розен

НОВЫЙ БОЕЦ

Сцены.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Николай Комаров, колхозник, комсомолец, боец Красной армии.

Петя Горохов, секретарь колхозной комсомольской организации.

Катя Зуева, комсомолка, колхозница.

Евдокия Андреевна (тетя Дуня), ее тетка, колхозница.

Полина Зябликова, колхозница.

Действие происходит в одном из колхозов.

Колхозный фруктовый сад. Хорошо расчищены дорожки, идущие через сад. Поставлены скамейки.

Конец жаркого июльского дня. Издалека доносится песня.

Колхозники возвращаются с полевых работ.

Затихает песня... Входит парень лет 23. Он в красноармейской форме. Это Николай Комаров. Сидится на скамейку. В руках у него небольшой чемодан.

Николай. Ну вот, снова дома. Снова родной колхоз... Старый сад. Давненько мы с тобой не видались. Что произошло за год? Вижу, что за тобой смотрят неплохо. (*Осматривает яблоню.*) Хороша. Хороша... И яблоки одно к одному. Хочется мне, дружище, потрясти тебя... да жаль... рано. В тех краях, где я был, тоже есть твои родственники... Только такой антоновки, как твоя, нет. Такой антоновки, как наша, нигде нет. (*Снова сел на скамейку.*) Не знаю, правильно ли я сделал, что не сообщил никому о своем приезде... По-моему, все же правильно. Может быть, на станцию встречать поехали бы... От

работы бы оторвались... Как же... комсомолец Николай Комаров получил в полку месячный отпуск. Ничего, товарищи. Со всеми поведемся, обо всем поговорим. Только вот, как я встречусь... (Пауза.) Как я... с ней встречусь, не знаю. А ведь раньше, казалось, с кем, с кем, а с нею встречусь радостно, хорошо... Какие мы друг другу письма писали! (Пауза.) Да, все это было... А потом... Я от нее письма стал получать все реже и реже... Все холоднее становились письма. А за последний месяц — одно письмо. Жива... здорова... и все.

Задумчиво входит Петя Горохов. На ходу он заносит в блокнот к кое-то записи. Погружен полностью в свое дело.

Петя. Значит, если мы этот пункт в договор вставим...

Николай. Петя!

Петя (не обращает внимания на окрик)... то, во-первых, повысится ответственность бригадиров...

Николай. Петя!

Петя... во-вторых, весь процесс работы улучшится, конечно! Там будет трое комсомольцев, а здесь...

Николай. Вот это да... Вот это заработался парень! (Встал со скамейки.) Товарищ Горохов, разрешите рапортовать. Боец Николай Комаров...

Петя. Батюшки! Николай! Друже мой (Обнимаются.) Ну-ка, покажись, покажись. Каким ты стал? (Пауза. Осмотрел Комарова и, видимо, остался доволен.) Ну, как же ты? А? Служил хорошо? Колхоза нашего не опозорил?

Николай. Говорят, что не опозорил.

Петя. Ну, рассказывай, рассказывай.

Николай. Приехал я в часть... А давай, Петя, так сделаем: собери всех комсомольцев, да и взрослых колхозников — милости просим... Я про свою службу все по порядку расскажу. Подробно.

Петя. Правильно. (Пауза.) А ты, Коля, переменялся. Солидность какая-то!.. Коля, а ты про колхоз наш все знаешь? Знаешь, что мы с соседним, с „Красной звездой“ соревнуемся? Забиваем... По всем статьям забиваем. Ребята наши работают прямо как... да нет, я уж лучше при всем честном народе рапортовать буду.

Николай. Сегодня же и собирай людей.

Петя. Радость большая, что ты вернулся.

Николай. Значит, не забыли меня ребята? (Пауза.) Замечательное это, Петя, чувство, — когда знаешь, что товарищи помнят о тебе. Я вашу телеграмму всегда при себе ношу. (Вынимает телеграмму. Читает.) „Поздравляем новым бойцом. Служи преданно великой родине. Горохов, Ванин, Сурков...“ Кажется, все комсомольцы телеграмму подписали!

Петя. Все до единого. (Пауза.) Коля, ты меня извини... Ты Катю видел уже?

Николай. Нет еще. Почему спрашиваешь?

Петя. Я все ждал, когда ты сам о ней спросишь...

Николай. Что-нибудь случилось с Катей?.. Петя... ты сразу скажи.

Петя (*сердито*). Ничего не случилось... Только....

Николай. Что только? Петя, я тебе как другу скажу: у меня и так тысяча разных сомнений, а у тебя такой тон, словно...

Петя. Тысяча сомнений! Неправильно, не по-комсомольски, Николай, поступаешь. Мы по этому вопросу серьезно разговаривать будем.

Николай. Я не отказываюсь.

Петя (*дукаво*). Ну, а когда же к Кате?

Николай. Сейчас же... Идем!

(Быстро направляются к выходу. Навстречу Полина Зябликова.)

Полина. Ах!

Николай. Доброго здоровья...

Полина. Николай Степанович.. Приехал?..

Николай. Приехал. Извините, тороплюсь. (*Быстро уходит вместе с Петей.*)

Полина. Глазам своим не поверила... Приехал... Интересный какой... В форме... с чемоданчиком... Видел Катюшу или не видел? Хоть бы не видел. Интересно первой рассказать. (*Убегает.*)

(С другой стороны входят Катя Зуева и тетя Дуня. На руках у тети Дуни ребенок.)

Тетя Дуня. Тш... тш... (*Ребенок плачет.*) Вот я тебе... Вот бука... бука... Ой, горе мое!... Тш... (*Ребенок плачет.*)

Катя. Тетя Дуня, дайте его мне... (*Берет ребенка, садится на скамейку. Поет ласково колыбельную песню. Ребенок затихает.*) Заснул, душенька моя... Тетя Дуня, похож он на меня?

Тетя Дуня. Как вылитый... И носик такой же ровненький и волосики взются, и глазки...

Катя. Нет, глаза не мои. Глаза у него отцовские...

Тетя Дуня. Отцовские? Только бы в отца не пошел.

Катя. Оставьте... тетя Дуня... Что это вы-то против Николая имеете?

Тетя Дуня. Я? Против Николая? Ничего... Да ведь за тебя, глупая, боюсь...

Катя. А за меня не надó тревожиться!

Тетя Дуня. Ведь я счастья тебе желаю...

Катя. Ничего... Приедет Николай, все образуется.

Тетя Дуня. Ой ли? Как это он еще на дите посмотрит?.. Ведь дело мужское — ветер да свобода. Думаешь, тетка у тебя старая — не понимает? Кой-чему в жизни научилась! Да только на всю жизнь запомнила... Было: как я в положение взошла, так он меня и бросил.

Катя. Так ведь это было..

Тетя Дуня. А теперь не будет? Потому о тебе тетя Дуня печется. *(Ласкает ребенка.)* Но-осик ровненький... воло-осики мя-геньки... гла-зки... О-ох! *(Вздыхает.)*

Катя. Тише... Тише... Разбудите. Лучше возьмите и отнесите домой... А я в саду побуду... Отдохну...

Тетя Дуня *(берет ребенка)*. И верно. Отдохни... Да много не раздумывай. На меня надейся... *(Ушла.)*

Катя *(одна)*. Неужели действительно права тетя Дуня... Нет... не верится... Он не такой... Он хороший... хороший? *(Вынимает письма, тихо читает.)* „Как дела, родная? Все ли у тебя в порядке? Как настроение, как работа? Обо всем напиши мне. Всегда твой...“ Письма хорошие, ласковые... Но почему ни одного слова о ребенке? Я так подробно, так горячо написала ему, что ожидаю... Рада... Хочу нашего ребенка... И в ответ — ни пол-слова. Даже не спросил в письме: кого ожидаешь?.. Ну, что ж... У меня ведь тоже гордость есть. Не хочешь слышать о нашем ребенке?.. Не надо. Больше о ребенке ничего не писала. Ни строчки. Ребята ему такую хорошую телеграмму стправили. А он даже ни разу не поинтересовался, как маленький — здоров ли? *(Пауза.)* Здоров и будет здоров. Я за ним смотрю, псы колхоз за ним смотрит... Помогает мне. Мне не трудно. Скоро на работу выйду. Детке моему в колхозных яслях хорошо будет. Больно мне только...

(Сбегает запыхавшаяся Полина.)

Полина. Катюшенька... Катюшенька!..

Катя. Что случилось?

Полина. Фу!.. Я тебя в другой стороне искала.

Катя. Да что такое? Поля...

Полина. Минуточку... Дай отдышаться... С ног сбилась... *(Пауза. Катя вопросительно смотрит на Полину.)* Видела?

Катя. Что видела?

Полина. И не слышала?

Катя. Да что? Говори толком.

Полина. Ну, значит, не видела и не слышала!.. Значит, я к тебе первая добралась!

Катя. До дела, наконец, доберешься?

Полина. Сейчас... *(Пауза.)* Приехал!..

Катя. Кто?

Полина *(таинственным шопотом)*. Товарищ Комаров... приехал Николай Степанович...

Катя. Вот как!

Полина. Интересный такой... В форме и с чемоданчиком. Со мной еле поздоровался. „Извините,— говорит — тороплюсь“. Да что ж ты молчишь? Катюша... Рада? А? Рада?

Катя. Да, я рада...

Полина. Говоришь „рада“, а лицо грустное...

Катя. Ладно, Поля... Дай мне побыть одной.

Полина. Одной? Чтобы я свою подругу оставила одну, когда у нее на душе тяжело? И не подумаю. (Пауза.) Вот что я тебе скажу. Ты не горюй. Когда такая хорошенькая девушка, как ты, хочет замуж выйти — обязательно выйдет.

Катя. Разве в этом дело?

Полина (убежденно). И в этом! А то как же? Ой, Катя!.. Я сама, когда размечаюсь... Прямо страх... Вот он ко мне подходит... глаза черные, в душу смотрят... берет за руку и голосом таким твердым говорит: „Товарищ Зябликова, будьте моей женой!.. Очень прошу...“ А ты разве не мечтаешь?

Катя. Я?.. Да... конечно... (Пауза.) Когда любишь человека, хочешь быть с ним вместе, всегда во всем быть близкой ему. Муж. Жена Это хорошие слова, Поля. Только я хочу быть женой человека сильного, мужественного, прямого, с хорошей душой. Я хочу знать все его мысли. Мне другого не надо. (Улыбнулась.) Мне и так будет хорошо. (Пауза. Затем тихо.) До ста лет проживу и замуж не выйду.

Полина. Что ты, что ты!.. Так даже в шутку не говори.

Катя. Нет, Поля, я не шучу.

Полина. Да разве Николай Степанович...

Катя. Не знаю, Поля. Верила ему больше, чем самой себе. Нравился он мне, нравилось, как он думает, как работает. Да что говорить! Колю Комарова весь колхоз уважал. А сейчас...

Полина. А сейчас? Ой, миленькая, что же?

Катя. Тс... тише, Поля... Тетя Дуня идет.

(Входит тетя Дуня.)

Тетя Дуня. О чем это вы тут? Ишь раскраснелись...

Катя. Витюша спит?

Тетя Дуня. Спит... спокойно спит. У меня да не заснет? (Полине.) Ну, а ты, коза... Давно я тебя не видела... Ну, что? С новостями или как? Да ты не фыркай. Вижу, что с новостями.

Полина. Что это значит.. не фыркай... Это выражение совсем даже ко мне не относится. (Пауза.) А какие новости особенные? Будто бы и никаких... Да, вот Николай Степанович к нам пришел...

Тетя Дуня. Николай Степа... Врешь!

Полина. Вечно вы слова какие-то неконкретные употребляете.

Тетя Дуня. Врешь!

Полина (обиделась). И вовсе не вру... Получил в Красной армии отпуск на месяц — и все тут.

Катя. Что вы, тетя Дуня, все расстраиваетесь?

Тетя Дуня. Что расстраиваюсь? Не вашего ума дело. Вот... расстраиваюсь...

Катя. Тетя Дуня, я вас категорически прошу: обо мне с Колей не разговаривайте. (Полине.) Пойдем, Поля, домой. Скоро, наверное, Николай придет.

(Катя и Полина уходят.)

Тетя Дуня. Категорически! Тьфу! И слова-то этого не выговорить. Категорически... Ничего, я уж порядок наведу. Я себя знаю.

(Входит Николай.)

Николай. Здравствуйте, Евдокия Андреевна.

Тетя Дуня (не ожидала появления Николая.) Кто это? А! Николаю Степановичу... Здравствуйте.

Николай. По отчеству даже? Почему так важно? Раньше просто Николаем звали. А когда рассердитесь, даже Колькой.

Тетя Дуня. Уважение другое... Командир приехал.

Николай. Командир? Рановато меня поднимаете, Евдокия Андреевна. Пока что — рядовой боец. Когда после службы на сверхсрочную пойду, может быть и командира заслужу.

Тетя Дуня. Понимаем! Это значит... Опять туда?

Николай. Туда... На Дальний.

Тетя Дуня. Очень хорошо понимаем.

Николай. Евдокия Андреевна... Я сейчас у вас дома был. Не застал. И Кати нет...

Тетя Дуня. А ты думал, она все дома сидит... Тебя дожидается?

(Пауза)

Николай. Евдокия Андреевна, вы со мной так разговариваете, словно я чужой вам. Отчего? Что случилось?..

Тетя Дуня. Что случилось? Ничего не случилось...

(Пауза)

Николай. Я, Евдокия Андреевна, о Кате спрашиваю.

Тетя Дуня. Это нам понятно.

Николай. По вашим словам можно заключить, что Катя... меня не ждала...

Тетя Дуня. Сегодня ждешь, завтра ждешь, а на послезавтра ждать устанешь.

Николай. Вы мне прямо говорите. Не любит меня больше Катя?

Тетя Дуня. Э-э-э, милоч! Ты все про любовь, про любовь.

Николай. Ну, конечно, про любовь. Разве я скрываю? Катя у меня первая... Люблю ее крепко...

Тетя Дуня (в сторону). Ничего, я его еще дальше растрепожу. А уж там — можно и к делу.

Николай. Вы, Евдокия Андреевна, извините меня — все кругом да около, а про Катю ни слова...

Тетя Дуня. Да что про Катю? Жива, здорова. Хороша собой. Прямо загляденье. Многие любят.

Николай. Ну, а она?

Тетя Дуня. Что она?

Николай. Что многие любят.

Тетя Дуня (*в сторону*). Прямо не знаю, чего сказать. (*Николаю*.) Что же, девка молодая... Прямо загляденье... Да ну тебя! Что в самом деле? Не на тебе одном свет клином сошелся.

Николай. Понял я вас, Евдокия Андреевна. Все понял...

(Пауза.)

Тетя Дуня. Пошла я. Дела, Николай Степанович.

Николай. Прощайте, Евдокия Андреевна.

Тетя Дуня (*в сторону*). Парня-то как скрутила. Не узнать. Ну, Катя, кажись все для тебя сделала... (*Ушла*.)

Николай. Понял. Все понял. Неужели действительно... разлюбила?

(Входит Петя.)

Петя. Разрешите войти?.. Разговор с тетей Дуней окончен?

Николай. Окончен.

Петя. Послушай, что с тобой? На тебе лица нет...

Николай (*после паузы*). Скажи мне, Петя, ты любил когда-нибудь?

Петя. Я? (*Пауза*.) Признаться, Коля, нет. Не было этого.

Николай. А я любил крепко, по-настоящему любил.

Петя. Я знаю.

Николай. Прошлый август — всю жизнь не забуду. Этот месяц как один день прошел. Осенью ушел я в армию... И мы так и решили... Отслужу — приеду, в Загс пойдем... Будем жить вместе... Дружно будем жить...

Петя. Вот это хорошо, Николай! Вот это я одобряю! Катя — девушка расчудесная. Живите счастливо.

Николай. Сию же минуту перестань ерунду плести.

Петя. Какую ерунду? Женидьба — ерунда?

Николай. Не на мне, Петя, свет клином сошелся.

(Петя изумленно смотрит на Николая. Входят Катя и Полина. Небольшая пауза. Полина растеряна. Катя подходит к Николаю, протягивает руку.)

Катя. С приездом, Коля. Здравствуй!

Николай. Здравствуй, Катя.

(Полина делает Пете знак, оба уходят. Николай и Катя садятся на скамейку. Пауза.)

Катя. Да... (*Пауза*.) Мне Полина сказала, что ты приехал. Я пошла домой, а ты уже ушел... Разошлись...

(Молчание.)

Катя. Что ж ты ничего не рассказываешь? Год в Красной армии, на Дальнем Востоке... Тебе тут все завидовали.

Николай. Одним словом, Катя, не расскажешь. Сегодня вечером я о своей службе перед всем колхозом отчитываться буду.

(Молчание.)

Катя. Писал, что отличник. Верно?

Николай. Грамоту имею.

Катя. Хорошо!

Николай. Ну, а ты, Катя? Говорят, перемены большие.

Катя. Есть и перемены. Кажется, я в письмах все писала.

Николай. Но разве в письмах все поймешь?

Катя. Я, по-моему, ясно писала.

Николай. Ясно, Катя... Так ясно, что даже иногда холодно становилось.

Катя. Холодно? От писем?

Николай. Да.

Катя. Скажи, Николай, нашу коллективную телеграмму ты получил?

Николай. Получил, конечно. „Поздравляю новым бойцом...“ Вот после той телеграммы от тебя и пошли эти письма... ледяшки.

Катя. Иначе не могла.

Николай. Да-а-а... Насильно мил не будешь!

(Пауза.)

Катя. Вот ты каким стал!.. (Встала со скамейки.)

Николай. Катюша... Куда? Подожди еще... Не уходи... (Пауза.) Мне очень больно, Катя. (Катя молчит.) Да, я замечал по письмам, что в тебе что-то происходит. Но я не думал... Просто не верилось... Неужели можно забыть?.. Помнишь, на вечере после праздника урожая... Мы долго говорили. Ведь решили связать наши жизни. Надолго. Навсегда.

Катя. Больше ты мне ничего не скажешь?

Николай. Ведь мы могли поехать на следующий день в город, в Загс, если б не решили подождать моего возвращения из Красной армии.

Катя. Теперь я не жалею, что на следующий день после нашего разговора мы не поехали в город!

Николай. Так. Ну, что ж, Катя... Невольно тебя не могу. Думал, приеду... Несколько дней отпуска. А там вместе с тобой на Дальний. А для тебя работа нашлась бы там. Интересная работа. (Пауза.) Обстоятельства помешали...

Катя. И это ты называешь обстоятельствами? (Николай молчит.) Стыдно, Николай! Стыдно!

Николай. Стыдно? Лучше нам с тобой, Катя, не говорить. (Пауза.) Да, лучше не говорить. Лучше не видеть. (Ушел.)

(Катя закрыла лицо руками, молча сидит на скамейке. Входят Полина и Петя.)

Полина. Идите, Петя, идите. Видите, какое расстройство... Не ваше это дело.

Петя. Не мое? (Подшел к Кате.) Катя!

Катя. Ничего, Петя. Это пройдет.

Петя. Ты не плачь. Ты лучше Расскажи...

Катя. Я не плачу... Это тебе... так кажется...

Петя. Ну, конечно, конечно, кажется! *(Вынул из кармана носовой платок, подает Кате.)*

(Пауза.)

Петя. Где Николай?

Катя. Ушел.

Петя. Был разговор?

Катя. Был.

Полина. Ой! От своей любви отказался?

Катя. Глупости, Поля, говоришь... *(Пауза)* Нет, в том-то и дело, что нет. Говорит, что любит, что год целый только обо мне и думал. Нежные слова говорил. *(Пауза.)* Но ни слова о ребенке. О нашем Витюше ни слова. Как будто его и нет. *(Тихо.)* Думала, будет отцом... хорошим отцом... Знаешь, Петя, он сказал, что хотел вместе со мной ехать на Дальний Восток... но теперь обстоятельства помешали... *(Зло.)* Ребенок, видите ли, это — обстоятельства!.. Наши колхозники ко мне приходят... Нянчат Витюшку, целуют, подарки приносят... Люди как будто посторонние, а близкие. А он... отец...

Петя. Хотел я с Николаем завтра поговорить. Да, видно, до завтра не удержусь. За все это в комсомоле по головке не гладят.

Катя. Не могу понять... Николай — такой чуткий, хороший человек... и тут... *(Пауза.)* Что ж, Петя, может быть, и верно: насильно мил не будешь.

Петя. Не к месту эта пословица! Быть комсомольцем — значит быть человеком с честной душой! Забыть о своем ребенке — это... это... *(Пауза.)* А ведь Николай не только комсомолец. Он боец Красной армии. Нет, этого не может быть...

(Входит Евдокия Андреевна, важно катит колясочку с младенцем. Катя сорвалась с места, подбежала к колясочке.)

(Пауза, все любят ребенка.)

Петя. Эх!.. Когда я сам буду отцом... Я... *(Быстро уходит.)*

Тетя Дуня *(Кате)*. С Николаем говорила? Ты глаза не опускай. Вижу, что говорила. Эх, молодость, молодость! Меня только слушай — дело на славу пойдет. Я на своем веку много кой-чего навиделась. Пойдем, нечего тут... *(Обнимает за плечи Катю и Полину.)*

(Все трое удаляются в глубь сада. Полина катит колясочку. Входят Николай и Петя.)

Петя. Так вот... Разговор у меня с тобой начистоту. Как по-твоему: правильно ты с Катей поступаешь?

Николай. После разговора с Катей я подумал и решил, что поступил неправильно.

Петя. Только после разговора с Катей?

Николай. Да. Неправильно я поступил. Катя виновата лишь в том, что не написала мне прямо: не люблю больше — и все...
Петя. Ты это брось. Ты дела не замазывай.

Николай. Я сам, читая письма, не раз думал: что-то тут происходит, что-то не так... Евдокия Андреевна дала мне понять...

Петя. Ты поменьше о других, о себе побольше...

Николай. Казалось бы, все ясно. Но не выдержал... В разговоре с Катей — снова говорил о своей любви... а ей это тяжело.. неприятно...

Петя. Ловкий ход, товарищ Комаров. Ты говори прямо. Как ты будешь поступать?

Николай. Меня учили в комсомоле, меня учили в Красной армии: прежде всего, думай о своих товарищах, потом о себе. Я меньше думал о Кате, чем о себе, когда говорил с ней.. Был груб... Ушел, даже не попрощался. Ну, я поправлю ошибку...

(Входят тетя Дуня, Катя и Полина. Полина катит колясочку с ребенком.)

Катя (*замечает Николая, быстро говорит Поле.*) Поставь колясочку за деревом... Не хочу, чтоб он видел ребенка.

Полина. Хорошо, Катюшенька. (*Ставит колясочку за деревом.*)

Тетя Дуня. Ну, вот и Николай Степанович. Вы в дом, а мы из дому, вы в сад, а мы из сада. (*Кате.*) Ишь смирный какой стал, что хочешь делай.. Во-от!

Николай. Катя... (*Катя молчит.*)

Тетя Дуня (*в сторону*). Ласковый какой! Аккурат в самый раз ему про ребеночка сказать...

Николай. Катя, я хочу сказать.. хочу сказать... (*Пауза.*) Ты, Катя, меня прости. Не те я слова говорил... Не то я хотел.. Обида во мне говорила. Нехорошо это — понимаю. Разве мы не можем остаться друзьями? Почему? И я уверен — останемся друзьями! Я, Катя, хочу по-хорошему проститься. Дорога у меня дальняя...

Тетя Дуня. Что, что такое? Когда дорога?

Николай. Уезжаю, Евдокия Андреевна. Завтра же еду на Дальний...

Тетя Дуня. Да ты почему торопишься?

Николай. Принятого решения не меняю. Думал — жену на Дальний Восток привезу. Ну, а приходится одному возвращаться. До свидания, Катя.

Тетя Дуня. Стой, парень! Стой, говорю! Экое дело задумал! Ну, а Катю-то как?..

Катя. Тетя Дуня...

Тетя Дуня. Ну, я — тетя Дуня... Чего я тебе говорила? Ветер да свобода... Так и есть!

Катя. Николай... До свидания... Иди, пожалуйста...

Тетя Дуня. Никуда он не пойдет... глаза его бесстыжие!

Петя. Потихе, тетя Дуня. Товарищ Комаров! Так поступают только...

Тетя Дуня (*перебивая*). Граждане-товарищи, что же делается? Он в дорогу, а она здесь с ребенком на руках?

Николай. Ребенок?

Петя. Не узнаю тебя, Николай. Ты что, прикидываешься, что ли?

Николай. Кто? Какой ребенок?

Катя. Николай, я прошу тебя уйти. Это шутят... просто шутка... Все вздор. И никакого ребенка у меня нет.

(За сценой плачет ребенок.)

Николай. Что это?

Петя (*сурово*). Не знаешь?

Полина (*глотя слезы*). Будто не знает?

Тетя Дуня (*подступает к Николаю*). Бессовестный!

(Плачет ребенок. Николай сорвался с места. Бросился на плач. Вывозит колясочку с ребенком на сцену.)

Николай. Катя... Твой?

Катя (*быстро берет на руки ребенка*). Мой!.. Мой!..

Николай. Что же это такое, товарищи? Что происходит? Катя скрывает своего ребенка...

Катя. Неправда! Я не скрываю своего ребенка! Но когда отца ребенка ненавидишь...

Николай. Ты ненавидишь отца своего ребенка?

Катя. Теперь ненавижу.

Николай. Это правда?

Катя. Да. Правда.

Николай (*тихо, после паузы*). Катя, если это правда... Если это правда... Я же люблю тебя... Я могу усыновить твоего ребенка...

(На всех лицах написано изумление. Первой прерывает молчание тетя Дуня.)

Тетя Дуня. Усыновить собственного ребенка! Больше полсотни лет прожила, а такого не слышала...

Николай. Моего ребенка? (*Подождал к Кате*.) Катя, что это? Это правда?

Катя. Не с неба же свалился...

Николай. Нет, товарищи, позвольте, что же это в самом деле? Или вы все смеетесь надо мной... Катя... (*Очень радостно*.) Катя?..

Петя. Стоп! Отец! Товарищ Комаров! Вы, надеюсь, не будете отрицать, что получили телеграмму наших колхозников с поздравлением? А? Получили или нет?

Николай. Получил. Ну и что же?

Пстя. Как — „ну и что же?“ Где телеграмма?

(Николай торопливо вынимает телеграмму.)

А-ну, читай...

Николай. Вот... (*Читает*.) „Поздравляем новым бойцом...“

Петя. Стоп! Разве не ясно, с чем поздравляли?

Николай. Да ведь я в этот день стал на почетную вахту! На сталинскую вахту! Ну, думал, поздравляете с этим...

Петя. А мы про это не знали. Мы тебя с сыном поздравляли...

Николай. Про сына ничего не знал, абсолютно.

Петя. Стоп! Мать! Товарищ Зуева! Вы переписывались с Николаем Комаровым? Почему вы утаили от него факт рождения данного сына?

Катя. Я ничего не утаивала... Все написала Николаю... Когда ждала еще — обо всем написала. Даже ясно помню, как тетя Дуня письмо это на почту относила.

(Тетя Дуня незаметно исчезает.)

Петя. Отец, товарищ Комаров! Вы получили радостное известие о предполагаемом рождении данного сына?

Николай. Нет! Нет! Катя, поверь мне, но такого письма я не получал.

Катя. Коля!.. *(Радостно бросается к Николаю.)*

Петя. Стоп! Заседание продолжается. Слово для справки предоставляется тете Дуне. Виноват, где же названный товарищ? *(Убегает и возвращается с тетей Дуней.)* Названный товарищ нашелся и даст нам свои показания.

Тетя Дуня *(заполосила)*. Детушки мои родные!.. Катюшенька, Коленька! Я вам добра желала... Не ругайте меня, старую дуру...

Петя. Товарищ, тетя Дуня, выражайтесь яснее.

Тетя Дуня. Боялась я, что Николай Степанович узнает о ребенке — домой не возвратится. Дите за обузу посчитает...

Петя. Ну?

Тетя Дуня. Ну и не отправила я катино письмо. Порвала... Пусть, думаю, лучше приедет, а там забота моя — все улажу... Мужское дело что — ветер да свобода...

Николай. Обуза?! Да у нас ребенок — это самая большая радость. *(Берет ребенка на руки.)* Носик твой, Катя, и волосы... а вот глаза определенно мои... Что же ты, тетя Дуня, мне так: „не на тебе свет клином сошелся“?.. да „ждешь, пождешь, да устанешь ждать“? А?

Тетя Дуня. Смирить хотела... Думала растравлю, больше Катю любить станешь. Простите старую: усердие не по разуму.

Полина. Все у вас так прекрасно устроилось, уж ради ребенка надо простить...

Петя. Поддерживаю предложение. Много вам тетя Дуня неприятностей причинила, да ведь не со зла. Верно, тетя Дуня?

Тетя Дуня. Сама глупая вижу. Народ-то другой теперь пошел.

Петя. Ладно... простить ее надо. Тем паче, что есть еще одно смягчающее обстоятельство.

Николай. Какое?

Петя. Совпадение. Радостное совпадение! Почетная сталинская вахта и рождение сына совпали у тебя в один день... Так ведь, друже?

Николай (*обнимает Катю*). Что ж, простим, Катя?

Катя. Простим, дорогой!

(Долгий поцелуй.)

Николай (*радостно*). Уезжал с Дальнего, говорил товарищам: „Спасибо командованию за отпуск. Обрато приеду вдвоем — с женой“. А теперь приедем втроем — с новым бойцом... с сыном.

Занавес

В. Волженич

„ОБМАНУЛ“

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Он — в гражданской одежде, но с винтовкой. На кепке веточка. Раз-сительный, веселый парень.

Она — в платочке, вялая, полусонная девушка.

Она (*входит из-за кулисы. Прислушивается*). Никак кто-то ходит. Кто там?

Он (*входя*). Здравствуйге! Ну и темно у вас в сенях! Чуть лоб не разбил.

Она. А со свету всегда так. Вы что — к папане? Нету его. В колхоз пошел! В правление...

Он. Нет, маманя, я не к папане. Я, девушка, насчет попить. Жирко уж больно. Водичка-то найдется? А?

Она. Найдется. (*Подает стакан с водой*). Вода у нас хорошая, ключевая.

Он. Вот спасибо! (*Пьет*). Брр... Прохладная. Аж за зубы берет!

Она. А вы помаленьку. Вспотевши-то и простыть недолго.

Он. Ничего, не простынем. Народ военный.

Она. Военный? Да нешто такие военные бывают?

Он. Какие?

Она. В баретках, в пиджаке?

Он. Военизированный поход, девушка нашей страны. Осо!

Она. Чего?

Он. Осо. У нас и девушки участвуют. Только больше на той стороне, на красной. С фабрики „Прядильщица“. Слыхала такую фабрику?

Она. Нет. Чего мы тут в лесу слышим?

Он. Напрасно. Лес — лесом, а от темпов отставать не годится. Ну, пока Спасибо.

Она. Не на чем.

Он (*пошел, вернулся*). Совхоз имени Тельмана знаете?

Она. Знаю.

Он. Лесом-то тут покороче нельзя пройти?

Она. Отчего нельзя? Можно. Как выйдете сейчас, так и сходите вправо. Мимо ключа тропка в гору пойдет. А там горелый лес будет, а за лесом совхоз. Военные нынче тоже дорогу на совхоз спрашивали.

Он. Военные? Какие военные?

Она. А кто их знает какие. Военные и военные.

Он. А много их было?

Она. Да, порядочно. Штаб, что ли, какой называется.

Он. Шта-аб? Гм... А вы не знаете — красные, синие?

Она. Чего синие?

Он. Ну, на какой стороне они — на синей или на красной?

Она. Не знаю.

Он. Эх ты, лапша! Ну, а чего они тут делали?

Она. Где?

Он. Да здесь, у тебя.

Она. Чего делали-то?

Он. Да.

Она. Делали-то... Воду пили. Хвалили тоже. Вода, говорят, хорошая. Чай пили.

Он. Ну, а еще... Ну, писали там что-нибудь, говорили?

Она. Писали и говорили.

Он. Ну, а чего же они говорили?

Она. Тебе, говорят, не страшно в лесу одной, когда папая уходит? А я говорю — нет, мы привыкли.

Он. А про военные дела говорили что-нибудь?

Она. Про военные-то... А мне ни к чему. Я этих делов не знаю.

Он. Зря. Война будет — всех заденет. Надо учиться армии помогать. Ну, а карты у них были?

Она. Карты? Не, не видала. При мне, по крайности, не играли.

Он (*смеется*). Да нет! Листы такие... Там это деревни, дороги нарисованы... Значочки всякие... По столу не раскладывали?

Она. Раскладывали, раскладывали... Планты такие?

Он. Да, да, да...

Она. Большие такие, ровно скатерть? Только разложили, а тут с Черной балки, оттуда вон, пулять начали... Ну, они и ускакали.

Он. Ускакали?

Она. Ускакали. (*Фыркает.*)

Он. Чего ты?

Она. Да так... Старшой-то их, начальник, что деньги давал, да я не взяла. „Спасибо,— говорит,— за угощение... Вот тебе,—

говорит, — на ленту в косу...“ (*Смеется.*) „Только, — говорит, никому, никому не говори, что мы здесь были... Ничего, ничего, — говорит, — не говори, что тут было“... А ничего и не было. Посидели да поехали... (*Смеется.*) Чудно! Ровно маленькие: в войну играют!

Он. Это он правильно. Это он молодец! Видать, опытный. И смеяться тут нечего. Вот привыкнете в мирное время болтать и на войне разболтаете. Какой-нибудь проходимец прикинется своим и вытянет все из тебя. Ну, а не военные были с ними?

Она. Нет... (*Пауза.*) Нет, был, был... С ленточкой красной на фуражке.

Он. Значит, они!.. Он усатый, рябой?

Она. Усатый, усатый.

Он. Это Ползиков с „Прядильщицы“. Это штаб ихнего строя. Слышь, а куда они поехали?

Она. Не знаю. Дорогу на Тельмана спрашивали.

Он. Ну, совхоз имени Тельмана рядом. А дальше? Не слышала?

Она. Может, и слышала, да мне ни к чему. Я чего и знаю, не упомню. Голова у меня больная...

Он. Да, малость, видать... Больная, что ль, чем?

Она. Нет. Покойница маманя вальком зашибла. Белье полокали. На селе еще жили. Я и упустила отцовы штаны в прорубь. Ну, она меня вальком по этому месту...

Он. Бывает... А откуда они взялись?

Она. Штаны-то, что ли?

Он. Да нет... Штаб-то этот... Откуда они приехали? Не из Заполя?

Она. С Заполя, с Заполя! Они говорят: „Мы с Заполя должны были идти сюды, а пойдем не туды...“ А куды — туды? Вот память-то у меня — ни туды, ни сюды...

Он (*хохочет*). Ей-богу, ровно в театре... „Туды-сюды...“ Прямо музей! Ты что, неграмотная, что ли?

Она. Училась, да забыла. Говорю, мамка память отбила.

Он. Жалко, жалко. Девушка ты — что надо, а на манер кретинки.

Она (*фыркает*). Скажете тоже: картинки!

Он. Да не картинки, а кретинки... Ну, ладно. Может, все-таки вспомнишь что-нибудь, а?

Она (*задумалась*). Да будто про синих говорили. Маманька-то у меня из этого села взята...

Он. Что про синих? Ну?

Она. Так они ж нам не велели ничего говорить. Вы ж сами говорите, чтоб не болтать.

Он. Вот чудачка? Так я ж сам синий... Больше меня про меня ведь не знают. Как ты думаешь? Какой же секрет, коль я сам синий? Ну?

Она. Говорили, что синий штаб в Нижнюю Выру пошел.

Он. Ну, и ни чорта они не знают. Наш отряд в Бабловых хуторах. Я, товарищ девушка, задачу хорошо знаю. При мне на машинку диктовали. *(Командным тоном.)* „Охватывая левый фланг противника, нанести решительный удар в направлении Семеновки — высота семьдесят восемь и семь...“

Она. Семеновку знаю...

Он. Ну, вот... А левей высота семьдесят восемь и семь...

Она. Чего семь?

Он. А чорт его знает чего.. Горюшка такая.. семьдесят восемь и семь. Знаешь?

Она. Не... Попову Гриву знаю, Ванькин Бугор знаю. А это не, не знаю... Семьдесят восемь и семь.

Он. Одним словом, к исходу дня выйти на линию Шуровамыза — Соленая...

Она. Курова? Соленая?

Он. Шурова. *(Передразнил.)* „Курова“!.. Вот и войой свами!.. *(Пауза.)* А все-таки, может, припомнишь, куда поехали? А? Не на Липовцы?

Она. На Липовцы, на Липовцы.

Он. Ну, вот я и поймал тебя. Дура! Дура — дура, а хитрая...

Она. А вы не лаетесь.

Он. Ой, и хитрый Ползиков. Здорово тебя подковал. Только и я не дурак: кой чорт их в Липовцы понесет, когда там наша конница стоит. Ну, как тебя... Акуля, говори, все одно попалась.

Она. На колхоз „Ясный“.

Он *(хохочет)*. Ой, крутишь, крутишь!.. В колхозе „Ясном“ наши танки сосредоточены... Ну, слушай. Так и быть, скажу правду. Я ведь тоже красный. Меня послал к тебе товарищ Ползиков, который был тут. Проверить. Поняла? Болтаешь ты или нет... Население, мол, готово к обороне или нет? И куда поехали, знаю. В Полонное. Верно?

Она. Верно.

Он. Ну, то-то... А теперь прощай. Спасибо за воду... Только вот что — сама водичку почаще в рот бери. Веточку видишь?

Она. Вижу.

Он. А что она обозначает, знаешь?

Она. Нет.

Он. А обозначает она, что я синий. Эх ты, шляпа! Первому встречному-поперечному выболтала откуда, куда и кто был. Зря он учил-то тебя, Ползиков твой. Сейчас донесешь-лиде своим напишем... Он тебя поблагодарит... С головой выдала... Пока!

Она. Чорт ты окаянный! Дьявол!.. Знала бы, в дом не пустила. Сам говорит: не болтай, не болтай, а все по ниточке вытянул. В колхоз пожалится, какими глазами глядеть буду? *(Плачет.)*

Он. Эка расстроилась! Ничего! Не война! А тебе наука...
Она. Я вот за науку-то тебя вальком не хуже мамани... А
то из ведра! (*Хватает ведро.*)

(Он с хохотом убегает.)

Она (*вслед*). И близко не подходи!.. (*Села за стол.*) Па-
панька теперь узнает... Парни со свету живут... Чорт сопатый!..
(*Плачет, склоняясь на стол. Пауза. Встала. Олягнулась.*
Сняла покрывало, под ним — полевой телефон.) Центральная,
центральная... (*Дует в трубку.*) Центральная? Дайте Орел.
Орел слушает? Говорит промежуточная Тулы. Дайте к телефо-
ну Гвоздику. Возьмите карандаш. Синие переходят в наступ-
ление, имея задачей нанести удар своим правым флангом по
линии Семеновка — семьдесят восемь и семь... Да! Семьдесят
восемь и семь... Выйти к исходу дня на линию Шурова-мыза —
Соленая... Да, да... Штаб отряда — Бабловы хутора... Танки —
колхоз „Ясный“... „Ясный“.. Яков, Софья, Надежда... Да,
„Ясный!“ В Липовце — кавчасти противника. Откуда знаю? От
синего... Да, да... потом. Передайте немедленно. Кто передал?
Работница фабрики „Прядильница“ Сурова. Дом лесника. Да.
Пока.

Э. Герман

СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Парикмахер.
Клиент.
Пограничник.

Парикмахерская в пограничном пункте. Парикмахер в ожидании клиентов
читает газету.

Парикмахер. „Подвиг по-гранич-ника Фе-до-рова... Но-
вый ре-корд лет-чи-ка Ко-кки-наки... Ком-бай-нер Пархоменко в
два раза превысил нор-му уборки“... (*Откладывает газету в*
сторону.) Откровенно говоря, даже обидно становится. Обидно
за парикмахеров. Пограничник совершил подвиг. Летчик поста-
вил рекорд. Комбайнер превысил норму. А парикмахер? Что,
спрашиваю я вас, сделал парикмахер? Он побрил еще одного
клиента. Он подстриг еще одного клиента. Он сделал холодную
завивку гражданке с горячим характером и горячую завивку граж-
данке с холодным характером. Вот вам и все подвиги парик-
махера! И какой, спрашиваю я вас, подвиг может совершить чело-
век, главное оружие которого (*щелкает ножницами*) — ножницы?
(*Глядится в зеркало.*) Парикмахер-герой — это даже смешно!
Парикмахеры не бывают героями. Парикмахеры не совершают
подвигов. О парикмахерах не пишут в газетах. Э-эх! (*Берется*
за газету.) „Подвиг по-граничника Фе-до-рова. В то время, как

пограничник Фе-до-ров...“ (*Телефонный звонок.*) В это самое время, конечно, звонит моя жена. (*Берет трубку.*) Алло! Что? Ты спрашиваешь, я ли это? Нет, это не я. Это — мой секретарь. Ты же знаешь, Сима, что у парикмахеров нет секретарей! Что я делаю? Она спрашивает, что я делаю! Я совершаю подвиги! Я ставлю рекорды! Что делает парикмахер! Он ждет клиента. Что? Чем я недоволен сегодня? Тем же, чем и вчера. Тобою? Почему — тобою? Тобою я всегда доволен. Сима. Я недоволен своею профессией. Почему? В ней мало героического. Ге-ро-ического. Не понимаешь? Ты всегда была женщиной, Сима. Ну? Что еще ты хотела сказать? Что ты меня любишь? Это вежливо с твоей стороны. Громче? (*Кричит.*) Я говорю, что догадался об этом после первых четырех детей. Хорошо, хорошо. Потом. Ты же видишь, что клиент сидит намыленный! (*Вешает трубку.*) А клиентов, между прочим, что то нет. Удивительный день! Всегда в это время полно, а сегодня... (*Публике.*) Вы заметили, что люди у нас стали чаще бриться? И не просто бриться, а бриться с одеколоном. И не просто с одеколоном, а с цветочным одеколоном. Если люди заботятся о красоте лица — это значит... вы знаете, что это значит? Не знаете? Так я вам скажу. Это значит, что им хорошо живется. (*Смотрит на часы.*) Но что ж это клиенты мои сегодня не идут? Начальник погранзаставы занял очередь по телефону — не пришел. Председатель колхоза тоже занял очередь... (*Смотрит в окно.*) А вот он спешит! (*Кричит.*) Товарищ Остапчук, ко мне? Нет? А бриться? Не до того? Почему — не до того? Не ответил даже. Куда это они все бегут? Куда вы, товарищ Ковалев? Туда же? Куда же „туда же“? Убежал. Эй, Клименко! Куда ты? „Куда все“. А все — куда? Ловить... кого ловить? Что ты говоришь! Перешел границу? Ночью? Постой, постой! Я выйду к тебе — ты расскажешь мне все по порядку. (*Снимает с себя халат, вешает его на гвоздь.*) Иду, иду! (*Уходит.*)

Клиент (*торопливо входит, осматривается*). Хозяин, а хозяин! Никого. Товарищ парикмахер! Никого? Тем лучше. Пережду малость, а там видно будет, куда. (*Садится за столик, берет газету.*) Все в порядке. Клиент ждет парикмахера... (*Встает, подходит к окну.*) Ни души! Мужичье по лесу рассыпалось... Ищут. А воц и пограничник спешит... Уж не сюда ли?

(Шаги. Входит парикмахер.)

А я, браток... хе-хе... Уж сам себя стричь-брить хотел. Спешу, понимаешь... командировка... на поезд.

Парикмахер (*надевая халат*). Хотя бы на самолет! Я вас не задержу. Когда такой, видите ли, случай... Одна минуточка. (*Кричит.*) Мальчик, для стрижки. (*Бежит к шкапчику и возвращается с простыней и салфеткой.*) Есть для стрижки. (*Набрасывает на клиента простыню.*) Когда такой, видите ли, случай... (*Поязывает клиенту шею салфеткой.*) Как прикажете постричь?

Клиент. Все равно. Какой случай?

Парикмахер (*берется за машинку*). Под машинку? (*Берется за ножницы*). Под ножницы? Вы разве не слышали? Диверсант же границу перешел... Полька? Бобрик? Бокс?

Клиент. Да, да... что меньше займет времени... И зачем, скажи, эта сволочь к вам лезет?

Парикмахер (*кладет ножницы на столик*). Меньше всего займет времени не стричься... Зачем? Вероятно, не для того, чтобы постричься в моей парикмахерской.

Клиент. Не для того, говоришь? Стриги, стриги. Пожалуй, что не для того. Ну, от здешних пограничников ему не уйти. Ребята — что надо! Здесь ведь эта дивизия стоит... как ее?

Парикмахер. Сзади побольше снять?.. Н-ская, кажется.

Клиент. Можно и побольше... Энская, говоришь, здесь стоит?

Парикмахер. Спереди поменьше оставить?.. А где, спрашиваю я вас, она не стоит? Она стоит повсюду. Вы разве не читаете газет? В Москве — парад Н-ской дивизии. В Ленинграде — маневры Н-ской дивизии. В Мелитополе — чествование Н-ской дивизии. Это же — знаменитая дивизия... Виски повыше?..

Клиент. Да, да... пониже. Молодец! Хвалю! Ну, если все здесь у вас такие бдительные, так он, думаю, не улизнет.

Парикмахер. Шею бреете? Я тоже так думаю.

Клиент. Шею? Да... да. Только бы за реку гад не ушел.

Парикмахер. Освежить? Не уйдет. Вежетадем? Хинной?

Клиент. Да... да. На мосту-то охрана есть, а вот у парома?

Парикмахер. Причесать?

Клиент. А ведь пониже парома и брод, кажется, есть?

Парикмахер. Брод, говорите? Не знаю... давно не купался. Прбор справа? слева?

Клиент. Так, так. А переправится — ищи ветра в поле.

Парикмахер. Сыщут и в поле. Бриолин?

Клиент. Пусть бриолин. Не скажи! От реки до станции сколько верст? Сядет, стервец, на поезд -- и...

Парикмахер (*повязывая голову клиента салфеткой*). Ну, вот и готово. Побрить?

Клиент. Да, да... только -- чем скорее!

Парикмахер (*правя бритву*). Скорее всего — бритвой. Одна минуточка! Мальчик, для бритья! (*Бежит к шапчику и возвращается с бритвенным прибором.*) Есть для бритья. (*Мылит бороду.*) Так, так. Ну и жесткая же у вас борода!

Клиент. Жесткая, говоришь? Может быть. Сколько, ты сказал, верст от реки до станции?

Парикмахер. Не беспокоит? Я сказал... Сколько верст, вы говорите, я сказал? Не одной, кажется. Там теперь все — километры. Усы бреете?

Клиент. Да... нет. Так я, пожалуй, и на поезд запоздаю. (*Смотрит на часы.*) Мне, брат, в обкоме с докладом надо не позже четырех быть.

П а р и к м а х е р. В обкоме? Я вас не задержу. Одна минуточка! И куда это я свою бритву девал? (*Ищет на подзеркальном столике.*) Скажите, пожалуйста — нет. (*Ищет на шкафчике.*) И тут нет. Э... да я ведь ее в жилетный карман положил. (*Вынимает бритву из кармана, бреет.*) Заметьте: это всегда так. Когда у человека нет денег на бритье, борода особенно быстро растет. Когда клиент спешит, когда клиент так спешит... Одна минуточка! (*В сторону.*) Хотя бы кто-нибудь из пограничников бриться пришел! (*Макает кисточку в тазик с кипятком и как бы нечаянно опрокидывает его.*) Ах, не везет! (*Бежит к примусу и накачивает его, не зажигая. Про себя.*) Хотя бы кто-нибудь, наконец, пришел на помощь! (*Громко.*) Беда с этим примусом, чистая беда! (*Наливает кипяток из стоящего на шкафчике чайника и бежит к клиенту.*) Ну, вот и готово. (*Мылит бороду.*) Так, так... Какая жесткая борода. Так, так... Шею, стало быть, тоже брить?

К л и е н т. Брей, брей... только без разговоров.

П а р и к м а х е р (*брея бороду*). Без разговоров. Вы говорите: без разговоров! А где вы, спрашиваю я вас, видели неразговорчивого парикмахера? Парикмахеры — народ разговорчивый. Был, знаете, в Житомире такой случай...

К л и е н т. Брей, брей...

П а р и к м а х е р. Очень смешной случай. Парикмахер спрашивает клиента: как постричь? А клиент отвечает: молча. Так что же вы думаете? Парикмахер даже не понял его. Стрижку „полька“, говорит он клиенту, я знаю, стрижку „бобриком“ — тоже знаю, А вот стрижки „молча“ я за всю свою практику, извините, не встречал.

(Шум за окном. Клиент вслушивается.)

Что вы спрашиваете?

К л и е н т. Я спрашиваю, что это за шум? Уж не поймали ли? Эх, не упустили бы гада.

П а р и к м а х е р. Не упустят? (*Смотрит в окно.*) Колхозники к реке бегут. Не беспокоит?

К л и е н т. К реке, говоришь? Наперерез, значит? Это хорошо. Это очень хорошо. Подмогнуть, что ли, ребятам? Пойду, пожалуй. (*Делает попытку встать.*)

П а р и к м а х е р. А поезд, товарищ? Во время бритья — не шевелиться. Вы же опоздаете на поезд.

К л и е н т. Плевать. Это, браток, важнее в таком деле помочь. Иду.

П а р и к м а х е р. Постойте, постойте. Ведь вы же еще намыленный... Ведь я же еще не добрил вас... Был, знаете, в Виннице такой смешной случай.

К л и е н т. Брось шутить! Отойди! А то, знаешь, какой случай был здесь, на погранпункте? Парикмахер вот так же шутил, а клиент, знаешь, что сделал? (*Пытается опустить руку в карман.*)

П а р и к м а х е р. Знаю, знаю... не шевелитесь, пожалуйста, или я не отвечаю за бритву! Это же в Витебске... не шевелитесь, я же предупредил вас — не шевелитесь! — был такой случай. Очень смешной случай. Клиент положил перед парикмахером тысячу рублей и рядом — не шевелитесь, не шевелитесь! — заряженный револьвер. Побреешь, говорит, без порезов — плачу тысячу, порежешь — застрелю. Так что же вы думаете — не шевелитесь, бритва же острая!.. — парикмахер даже не испугался. „Револьвер, — отвечает он клиенту, — конечно, страшнее бритвы, но ваш револьвер пока что у вас в кармане, а моя бритва уже у вашего горла“. Понимаете?

К л и е н т. Вот оно что. Ты что ж это — грозишь мне?

П а р и к м а х е р. Я? Вам? Не шевелитесь — вы же свободно можете порезаться... Боже сохрани! Это тот парикмахер грозил тому клиенту.

К л и е н т. То-то же. Ну, довольно шутить. Пусти!

П а р и к м а х е р. Одна минуточка. Вот только тут немного. *(Запрокинув голову клиента, орудует бритвой у горла.)*

К л и е н т. Пусти!

П а р и к м а х е р... и тут немного. *(Вслушивается в приближающиеся шаги.)*

К л и е н т. Пусти, говорю!

П а р и к м а х е р... и тут — во время бритья не разговаривать! — и тут самую малость... самую малюсенькую малость... вот... вот и вот...

(Стук в дверь. Входит пограничник.)

П о г р а н и ч н и к. Не опоздал?

П а р и к м а х е р. Наоборот, товарищ начальник. Сейчас как раз ваша очередь.

П о г р а н и ч н и к *(вглядываясь в клиента)*. Вас-то мы, гражданин, и ищем. Руки вверх! *(Обезоруживает диверсанта.)* Следуйте за мной. *(Уводит задержанного.)*

П а р и к м а х е р долго смотрит им вслед. Бритва падает из его руки.

Молчанин. Затем поднимает бритву, бережно вытирает ее полость халата и кладет на подзеркальный столик. Глядится в зеркало.

П а р и к м а х е р. Парикмахеры не бывают героями? Парикмахеры не совершают подвигов? О парикмахерах не пишут в газетах? *(Подходит к телефону, берет трубку.)* 64... то есть, виноват, два раза 32. Алло. Сима? Что? Ты спрашиваешь, я ли это? Кажется, это я. Я в том не совсем уверен. Почему? Я тебе скажу, почему. Сима, ты одна? Так слушай. Не говори пока об этом соседям, но я, кажется... совершил подвиг!..

К О Н Е Ц

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПЛЯСКА

Красноармейская пляска проста, общедоступна, не требует внешнего оформления: ее пляшут в красноармейской форме, везде, где придется: на клубной сцене, среди публики, на массовке, в походе.

Основное содержание пляски — демонстрация бодрости, ловкости, находчивости, задора, радости, энергии нашего славного бойца. Все эти качества выявляются в чрезвычайно разнообразных приемах исполнения, зависящих от изобретательности самих исполнителей.

Красноармейская пляска имеет много различных видов: пляска танкистов, кавалеристов, артиллеристов, связистов, краснофлотская пляска, пляска пограничников, казачья пляска и т. д.

Для краснофлотской пляски, рожденной на корабле, характерны покачивания, широкие заходы, мелкая ритмическая чечетка. В своей пляске краснофлотцы используют различные комические средства, вводят весельчаков, затейников, кока и коч гара.

В пляске кавалеристов умело и ловко обыгрывается оружие: подбрасывают и ловят клинки, подражают стремительной верховой езде и т. д.

Коллективная красноармейская пляска всегда имеет свою тему, например: „бойцы на отдыхе“, „случай на границе“, „кавалерийский бой“ и т. д.

„Бойцы на отдыхе“ — самая распространенная тема. В ней есть и шутка, и песня, и частушка. Часто тема ее — „соревнование“ — кто спляшет лучше. В ней находит свое отражение также тема крепкой товарищеской дружбы бойца с командиром. Они друзья и соревнуются даже в пляске.

В красноармейской пляске удачно используются предметы, употребляемые затейниками: ложки, бубны, гармошки, балалайки, применяются хлопки, свист, вводятся элементы акробатики.

Вот, например, описание красноармейской пляски, исполняемой в государственном ансамбле народных танцев СССР: прогуливаясь, на сцену выходят 2 красноармейца с балалайками; к ним присоединяется красноармеец-гармонист. Льется веселая музыка. Один начинает пляску, к нему присоединяется другой. Постепенно собирается большая группа танцоров.

Их захватывает „азарт“ пляски. Звонит бубен, танцующие перебрасывают его друг через друга. Участники этой пляски, изображая игру на балалайках, обыгрывают их во всех положениях. Они вертят их, подбрасывают, сопровождая свои движения хлопками, смехом, свистом, выкриками.

Иногда исполняют пляску с гармошкой, сами себе аккомпанируя, заражая зрителя стремительностью и веселой лихостью. Например, солист балалаечного оркестра ЦДКА т. Науменко комбинирует игру на гармошке с хлопами по голе-

нищам. Он ловко вертится на одной ноге, играя на гармошке, и свистит. Доведя свою пляску до предела стремительности, он вдруг останавливается, как по команде „смирно“, и прикладывает руку к козырьку, или вот: в красноармейской пляске бубен используется не только в качестве ритмического аккомпанемента, но и как снаряд для жонглирования. Танцуя „ползунок“ или „присядку“, вертят бубны на пальцах, исполняя ритмическую дробь, подбрасывают их, ловят, перебрасывают через голову, перебрасывают их друг другу. Бросая, прыгают через них, ловят на лету и т. д. Очень удачно некоторые танцоры аккомпанируют себе на ложках.

Физкультура в Красной армии занимает значительное место. Каждый боец хороший физкультурник. Поэтому и в красноармейской пляске физкультура нашла свое отражение: прыжки, кульбиты, сальто и другие элементы акробатики вполне уместны.

Некоторые танцоры строят свою пляску без музыки.

Например, двум красноармейцам аккомпанирует по нотам малоопытный гармонист. Вот у него заело клапан. Танцоры отбирают у гармониста ноты и заставляют его замолчать совсем. Разложив ноты перед собой, они продолжают без музыки плясать ритмическую четку, как бы по нотам. В одном месте они останавливаются, поправляют ошибки в нотах и затем очень четко продолжают танцевать, время от времени перелистывая ноты.

Другие же танцоры строят свою пляску на неожиданной смене танцевального ритма.

Таким образом, мы видим, что красноармейская пляска дает возможность каждому танцору „развернуться“, выявить все свои качества не только физические, но также и блеснуть остроумием, находчивостью, инициативой.

Для красноармейской пляски рекомендуется следующее музыкальное сопровождение:

1) Русские народные плясовые напевы, например:

„Пойду ль я, выйду ль я“.

„Под яблонькой“.

„Барыня“.

„Во саду ли“.

2) Александров — Красноармейская пляска из мюзкомедий „Сотый тигр“.

3) Бакалейников — Красноармейская пляска из пьесы „Падь Серебряная“.

4) Александров — Сборник песен Красной Армии, изд. ПУР'а.

Запись Е. Б. Авакян

КРЫЖАЧОК

Белорусский народный танец

Количество участвующих — 16 человек, из них 8 мальчиков и 8 девочек.

Танец состоит из нескольких движений.

Описание отдельных движений.

1) Па польки с подскоком состоит из четырех движений: сделать вперед шаг правой ногой, затем шаг левой ногой, еще шаг правой ногой и подскок на месте, вынося вперед левую ногу, согнутую в колене под прямым углом. Затем делается эта комбинация, начиная с левой ноги и т. д.

2) Па польки с подскоком на месте. Полностью делается первая комбинация, только без продвижения по площадке (на месте).

3) Боковое па с переступанием. Эта комбинация состоит из нескольких движений: правой ногой сделать шаг в сторону, приставить левую ногу к правой, еще шаг правой ногой в сторону, присесть на правой ноге, подняв левую ногу, согнутую в колене. Затем с левой ноги переступить три раза на месте (левой, правой, левой ногой). Если эта комбинация делается в левую сторону, то начинать ее следует с левой ноги, поэтому после переступания на месте, тяжесть корпуса оставить на правой ноге.

4) Па польки с акцентом на первую долю такта.

Сделать прыжок на левой ноге, приподняв в это время правую ногу, согнутую в колене, и, начиная с правой ноги, переступить три раза на месте (правой, левой, правой ногой). Переступание делается быстро и четко.

Эта комбинация делается на месте и с продвижением по площадке.

5) Галоп — отставить правую ногу в сторону, к ней приставить левую ногу, затем опять правую ногу отставить и т. д. Когда это движение делается быстро, то обе ноги соединяются на одно мгновение в воздухе. В этом танце галоп нужно делать больше с полетом вверх.

Положение танцующих

Все мальчики становятся на авансцене, с левой стороны от зрителя; стоят они в затылок друг другу, правым плечом к зрителю. Руки держат на бедрах. Девочки становятся в глубине сцены, с правой стороны от зрителя. Стоят они в затылок друг другу, но левым плечом к зрителю. Девочки руки скрещивают на груди. (Чертеж 1.)

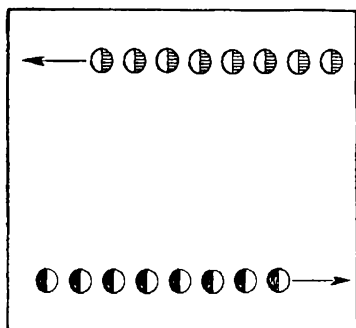
ОПИСАНИЕ ТАНЦА

Музыка

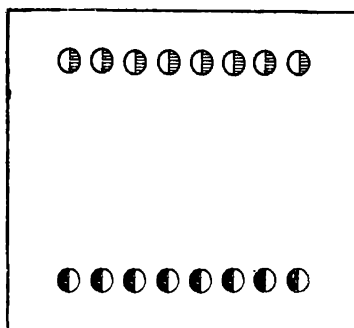
Движение

1-я часть

1—8 такты. Как мальчики, так и девочки, начиная с правой ноги, идут вперед, делая движение № 1 (па польки с подскоком). Образуются две параллельные линии

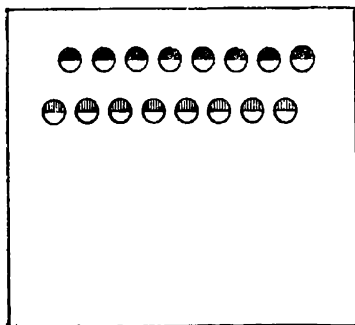

Черт. № 1

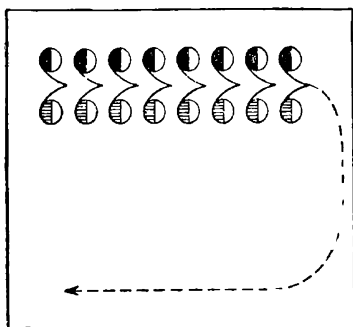

Черт. № 2

- (Чертеж 2.)
- 9—12 такты. Остановившись на месте, все делают движение № 4 (па польки с акцентом). Причем первый такт делается на месте, а на три последующих такта танцующие делают по одной четверти оборота вокруг себя, продолжая делать то же движение. Девочки делают поворот через правое плечо, а мальчики — через левое плечо. Таким образом, обе шеренги оказываются стоящими лицом к зрителю.
- Повторяются 9—12 такты. Мальчики продолжают делать поворот, отбивая такт правой ногой и ударяя в ладоши. В конце двенадцатого такта мальчики останавливаются лицом к девочкам. Девочки стоят шеренгой, отбивают такт правой ногой и поворачивают корпус вправо, влево, вправо, влево и т. д. Руки у девочек скрещены на груди.
- 1—4 такты. Шеренга мальчиков, положив руки на бедра, делает па польки на месте. В это время девочки отбивают такт правой ногой и ударяют в ладоши.
- 5—8 такты. Все мальчики шеренгой танцуют по направлению к девочкам, делая движение № 1 (па польки с подскоком). Дойдя до девочек, каждый мальчик проходит около правого плеча девочки (своей пары) и останавливается несколько позади девочки. Девочки отбивают такт ногой и ударяют в ладоши.
- (Чертеж 3.)

Черт. № 3

Черт. № 4

9—12
такты. Как мальчики, так и девочки кладут руки на бедра и, начиная с правой ноги, делают на месте движение № 2 (па польки с подскоком на месте). Все стоят лицом к зрителю. На 12-м такте все танцующие соединяют сверху правые руки.

9—12
такты. На повторение этих тактов все пары, выполняя движение № 2 (па польки с подскоком на месте), делают поворот вокруг себя, после поворота разъединяют руки и берутся под руки. При повороте девочки делают $\frac{1}{4}$ оборота, а мальчики полный оборот, обходя девочек. После поворота пары должны остановиться в профиль к зрителю правым плечом. Мальчики стоят у левого плеча девочек. (Чертеж 4.)

2-я часть

1—12
такты. Пары, стоящие в колонне, начиная с левого фланга, идут по кругу по направлению к зрителям, затем проходят по авансцене в колонне также парами, но уже стоят левым плечом к зрителю. Движение делается № 1 (па польки с подскоком). (Чертеж 5.)

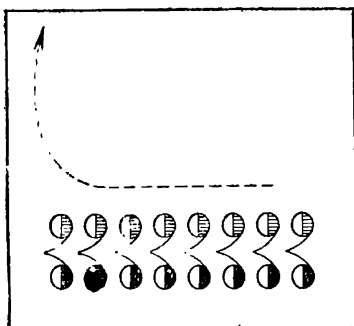
Повторяются
9—12
такты. Пары, стоящие в колонне, делают полный поворот вокруг себя. Движение № 2. Поворачиваются через левое плечо. После поворота останавливаются левым плечом к зрителю.

1—12
такты. Пары, стоящие в колонне, продолжают идти вперед по площадке, делая второй полукруг, и останавливаются в глубине сцены колонной, правым плечом к зрителю. Движение делают № 1.

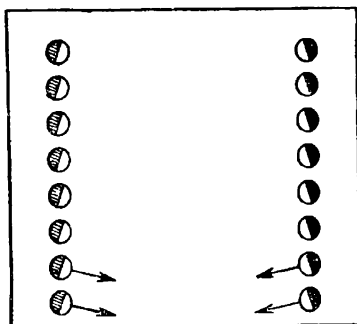
9—12
такты. Пары, стоящие в колонне, делают поворот вокруг себя через правое плечо (движение № 2) и останавливаются лицом к зрителю. На последнем такте соединяют правые руки и поднимают их вверх, соеди-

няют так же левые руки и вытягивают их в стороны. Мальчики стоят сзади девочек.

1 такт. Пары, стоящие в колонне (стоят лицом к зрите-

Черт. № 5

Черт. № 6

2 такт.

лю), начиная с правой ноги, делают движение № 3 в правую сторону (влево от зрителя).

С левой ноги делают движение № 3 в левую сторону (вправо от зрителя).

Повторяют движения предыдущих тактов (1—2 такты).

3—8 такты.

9—12 такты.

Пары делают поворот вокруг себя (движение № 2) вправо.

9—12 такты.

9—12 такты.

Пары разъединяют руки. Девочки складывают руки на груди, мальчики кладут — на бедра. Все делают на месте движение № 2, при этом поворачиваются направо левым плечом к зрителю. Мальчики поворачиваются налево, правым плечом к зрителю.

3-я часть

1—8 такты.

Колонна мальчиков начинает двигаться полукругом по направлению к зрителю, делая движение № 1, и выстраиваются в шеренгу с правой стороны от зрителя.

Колонна девочек танцует в левую сторону от зрителя. Движение делают № 1.

Шеренги останавливаются лицом друг к другу на $\frac{3}{4}$ поворота. (Чертеж 6.)

9—12 такты.

Два мальчика и две девочки, которые стояли в конце шеренг (считая от зрителя), начинают двигаться вперед, навстречу друг другу движением № 4.

При этом мальчики во время движения ударяют себя в такт ладонями по поднятой ноге (правой рукой по правому колену, левой — по левому колену). На 3-м такте мальчики делают полный обо-

рот вокруг себя через правое плечо, продолжая ударять себя по коленям.

Девочки, скрестив руки на груди, двигаются навстречу мальчикам движением № 4. На 4-м такте пары подают друг другу обе руки (мальчики девочкам). Все остальные, стоящие в шеренгах, ударяют в ладоши.

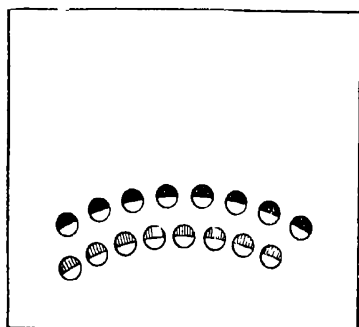
9—12
такты.

Пары, которые стоят на середине, выставляют правые ноги на каблук, потом правую ногу отбрасывают назад и, начиная с правой ноги, три раза переступают быстро на месте (правой, левой, правой ногой).

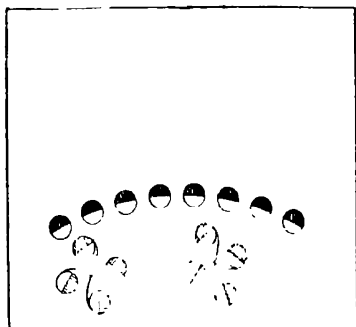
Такое же движение делают левой ногой. Стоящие в шеренгах ударяют в ладоши.

1—4
такты.

Танцующие пары на середине разъединяют руки и возвращаются на свои места в шеренгу (идя спиной). Движение делают № 4.

Черт. № 1

Черт. № 2

5—8 такты. Танцующие, дойдя до своих мест, делают полный оборот вокруг себя в своей шеренге.

9—10 такты. Из шеренги мальчиков выходят по направлению к девочкам трое следующих мальчиков (движение № 4). Руки держат на бедрах.

11—12
такты.

Стоят на месте перед девочками, выставляют правые ноги на каблук, отбрасывают правую ногу назад и, начиная с правой ноги, три раза переступают на месте (правой, левой, правой ногой).

9—12
такты.

Движением № 4 мальчики возвращаются на свои места в шеренгу. На 12-м такте делают выпад на правую ногу и три раза отбивают такт правой ногой, рукой делают вызов девочкам.

1—4
такты.

На вызов мальчиков выходят три следующие девочки по направлению к мальчикам. Руки у девочек на бедрах.

- 5—8 такты. Девочки возвращаются на свои места.
- 9—12 такты. Стоящие последние в шеренгах 3 мальчика и 3 девочки, держа руки на бедрах, выходят из своих шеренг навстречу друг другу движением № 4.
- 9—12 такты. Выйдя на середину, мальчики делают присядку, а девочки, подняв правую руку вверх, левую положив на бедро, движением № 4 обходят мальчиков, размахивая правой рукой над головой.
- 1—4 такты. Танцующая в центре шестерка возвращается на свои места (движение № 4). Идут спиной.
- 5—8 такты. Обе шеренги, положив руки на бедра, делают полный оборот вокруг себя (движение № 4). После кружения все останавливаются лицом к зрителю.
- 9—12 такты (повторить два раза). Обе колонны двигаются назад спиной в положении, указанном на черт. № 4. Движение—№ 4. При чем колонна девочек проходит впереди мальчиков. Руки все держат на талии. На последнем такте встретившиеся пары подают друг другу правые руки и поднимают их над головой, а левые держат на бедре.
- 1—4 такты. Все пары, начиная с правой ноги, делают поворот вокруг себя в правую сторону. После поворота останавливаются лицом к зрителю (движение № 4), соединяют левые руки и вытягивают их в стороны, правые вверх.
- 5—8 такты. Четыре танцующих пары, начиная с правой ноги, четыре пары, начиная с левой ноги, разбегаются полукругом (одни направо, другие налево) движением па шассе. Становятся на авансцене полукругом. (Чертеж 7.)
- 9—12 такты. Движением № 4 пары кружатся на месте в правую сторону. После кружения пары разъединяют руки.
- Повторяются 9—12. Из полукруга выходят все 8 девочек и разбиваются на 2 звездочки по 4 человека, взявшись накрест правыми руками. Левые поднимают вверх (движение № 4). (Чертеж 8.)
- 1—4 такты. Движением № 4 звездочки вращаются по часовой стрелке. Мальчики стоят на месте и ударяют ладоши.
- 5—8 такты. Все девочки, взявшись в кружок за руки, движутся по кругу галопом (движение № 6).
- 9—12 такты. Дойдя до своих пар, берутся за руки и кружатся парами.
- С 1-го по 12-й такты и с подочками, потом кружатся общим кругом и повторением 9—12 тактов (с правой стороны). Придя на свои места, пары берутся за правые руки, которые поднимают вверх, соединяют левые руки и вытягивают в стороны.

- 1—4 Движением № 4 пары двигаются по кругу (по такты. авансцене).
- 5—8 Пары разъединяют левые руки, правые руки соединенные поднимаются вверх, левые руки девочки кладут себе на бедра. Кружатся по два раза под поднятыми руками.
- 9—12 Пары двигаются по кругу (движение № 4).
- 9—12 Девочки кружатся под поднятыми правыми руками. Мальчики не кружатся, а танцуют вперед, сзади девочек, держа девочек за правые руки.
- С 1-го по 12-й Пары, подав друг другу левые руки, правые остаются (16 так- ваяют соединенными и поднятыми над головой, двигаются по кругу и уходят со сцены друг за другом (движение № 4).

КРЫЖАЧОК

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Предисловие	3
М. Илантер — Песня о Сталине (слова А. Суркова)	5
М. Исаковский — Счастливая земля	9
Н. Асеев — День выборов	9
Б. Левин — Мачу выбирают (м. п. олог)	10
К. Косицмарев — Страна выбирает (слова Е. Домматовского)	12
М. Цветлов — Песня о дружбе	14
Я. Гашек — Мертвый избиратель (рассказ)	14
С. Михалков — Наши мамы	17
Я. Гашек — Выборы стражника (рассказ)	18
С. Михалков — Я выбираю в Совет	20
Н. Берендгоф — Песня о Конституции	21
Н. Саконская — Нашим избирателям	21
М. Иорданский — Граница (слова Р. Винникова)	22
В. Маяковский — Стихи о советском паспорте	25
Я. Колас — Своему народу	26
Н. Асеев — Во весь рост	27
П. Маркиш — Западная Украина	28
В. Мачковский — Польша	30
В. Луговской — Октябрьская поэма	31
О. Колычев — Присяга	32
К. Паустовский — Поводырь (рассказ)	32
Л. Шифферс — Колпак	37
В. Мурадели — Колхозная (слова А. Гатова)	42
В. Маяковский — Из поэмы „Владимир Ильич Ленин“	45
Джамбул — Песня о Москве	46
Ленинская правда (белорусская сказка)	47
Свет в тайге (звенкийская сказка)	49
Как Федосья Никитишна у Ленина была	53
Пуговка	54
Л. Квитко — Колыбельная	54
Г. Рыжлин — Ну и молодежь! (монолог)	56
Джамбул — О Сталинской Конституции	60
Я. Купалич — Алеся	61
Н. Куштум — Аннушка	61
Наше время (перевод с армянского)	63
И. Дунаевский — Песня трактористов (слова В. Лебедева-Кумача)	64
С. Михалков — Миша Корольков (поэма)	67
Дороженька (народная русская песня)	70
Частушки	71
Г. Добржинский — Гость (драматический этюд)	73
А. Розен — Новый боец (сцены)	81
В. Волженин — „Обманул“ (скетч)	93
Э. Герман — Случай на границе (скетч)	97
Красноармейская пляска (методическое описание танца)	102
Крыжачок (белорусский народный танец)	104

СТРАНА ВЫБИРАЕТ

Свердловский областной дом народного творчества. 1939

Ответственный редактор *Н. А. Куштур*
Технический редактор *А. С. Асс*
Корректор *Н. П. Лукина*

Сдано в набор 17/X. 1939 г. Подписано к печати 23/X. 1939 г. Формат 60х90 мм. Объем: 3½ бум. л., 7 печ. л., 94 уч.-изд. л.
Тираж 400 экз. Бумага Краснокамского бумкомбината.

Уполномоченный Свердловблита № Р-11256.

Набрано и отпечатано в Свердловской типографии Отгиз РСФСР треста «Полиграф-книга», Банковский пер., 3. Заказ № 3025

